

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт
(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

44.04.01 Педагогическое образование

(код и наименование направления подготовки)

Филологическое обеспечение образования и культуры

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Речевые акты предостережения и угрозы в произведениях М.Ю. Лермонтова:
прагмалингвистический и методический аспекты

Обучающийся

А.И. Биккулова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

д-р пед. наук, доцент Л.А. Сомова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Особенности речевых актов предостережения и угрозы: семантическая структура, способ выражения, классификация.....	9
1.1 Семантическая структура речевого акта предостережения и особенности его функционирования.....	9
1.2 Определение классификационной принадлежности речевого акта угрозы.....	13
Глава 2. Особенности функционирования речевых актов предостережения и угрозы в произведениях М.Ю. Лермонтова: прагмалингвистический и методические аспекты	22
2.1 Функционирование речевых актов предостережения в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	22
2.2 Функционирования речевого акта предостережения в оде А.С.Пушкина «Вольность» и стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание»	30
2.3 От предостережения до угрозы: три смежных речевых акта на материале пьесы М.Ю. Лермонтова «Маскарад».....	34
2.4 Речевые акты совета и предостережения в поэзии М.Ю. Лермонтова как предмет художественного познания в 10 классе	39
2.5 Освоение студентами-филологами речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы при изучении основ коммуникативной лингвистики	47
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников.....	63
Приложение А Проект рабочей программы элективного курса «Диалог с М.Ю. Лермонтовым: читаем, слушаем, интерпретируем»	72
Приложение В Пример конспекта урока в 9 классе по теме: «Предсказание» М.Ю. Лермонтова: о чем предупреждает поэт?».....	76

Введение

Изучение речевых актов предостережения и угрозы важны для понимания перспектив социального взаимодействия. Распознавание его в речи необходимо для современного человека, чтобы не нарушать нормы общения и поведения. Важно, чтобы человек понимал последствия своих речевых поступков. Художники слова – писатели, поэты – могут показать в своих произведениях типизированные речевые поступки, погруженные в конкретную ситуацию общения. Они отбирают материал из жизни, фокусируют внимание на важном и существенном, показывают типичное. Тогда изображение действительности становится достоверным, а читатели учатся постигать важнейшие закономерности общения, примеряют на себя речевые поступки персонажей. В этом воспитательная роль литературы. Кроме того, художественный текст становится аккумулятором типичных поступков, речевых действий, вызывающих определенные последствия. Художника интересует конфликт как основа сюжета, читателя интересует конфликт как типичная ситуация, из которой либо есть выход, либо его нет: тогда случается трагедия. На материале творчества М.Ю. Лермонтова особенно интересно исследовать конфликты героев, их речевые поступки. Немаловажным фактором является близость мышления персонажей М.Ю. Лермонтова мышлению молодых людей, обдумывающих жизнь, пытающихся понять, от чего зависят результаты общения людей: почему в одних случаях конфликты возникают, а в других нет. Читатели, вглядывающиеся в так героев, как Печорин, Грушницкий, Арбенин находят схожие черты характера: импульсивность, максимализм, склонность к радикальным решениям проблем.

Разобраться, в речевых действиях коммуникантов можно на примерах из художественной литературы в процессе изучения классических произведений в школе и в вузе. Н.И. Формановская в своем учебнике «Речевое общение» часто приводит в конце учебного параграфа примеры

диалогов из произведений М.А. Булгакова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, предлагая, например, определить речевые стратегии и тактики, выявить речевое намерение говорящего, найти прямой и косвенный речевой акт. Однако примеров, связанных с приведениями М.Ю. Лермонтова, практически нет, тогда как именно его тексты с особым колоритом демонстрируют конфликтные речевые ситуации. Но особенно показательны лирические тексты, включающие речевые акты предостережения и диалоги из романа «Герой нашего времени» и пьесы «Маскарад». Именно эти произведения могут быть актуальны в качестве дидактического материала на уроках литературы, в центре которых речевые поступки героев. Коммуникативному взаимодействию нужно учить. В этом актуальность выбранной темы исследования. На представляется важным и умение различать речевые акты предостережения и угрозы. Они могут остановить будущие предполагаемые деструктивные действия собеседников.

Действительно, если собеседники не будут иметь инструмента для структурирования, упорядочения и осмысления потока речевых высказываний со значением угрозы, то общение может перейти в хаос. Базовые способы упорядочивания и классификации коммуникативной активности в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности в настоящее время представляют значительный интерес. И эти сценарии хорошо представлены в творчестве М.Ю. Лермонтова.

М.Ю. Лермонтов близок молодым людям, так как он сам по себе молод, и в его произведениях присутствует проявление крайнего индивидуализма, свойственного молодости, поиска места и назначения в жизни. Это близко молодому поколению читателей. Однако многие методы героев произведений М.Ю. Лермонтова требуют осмысления и, в конечном счете, осуждения, так как они наполнены манипулятивными техниками и агрессивными речевыми стратегиями.

Угроза предполагает деструктивное воздействие на адресата речи и направлена на ухудшение его эмоционального состояния. Для достижения

коммуникативного эффекта адресант угрозы осознанно использует лингвокреативные механизмы, целью которых является формирование страха у адресата речи. В основе этих механизмов лежит стратегия детализации действий, осмысляемых говорящим как справедливое возмездие. Словотворческие механизмы призваны скрыть интенции угрозы, что объясняется запретом в социальной жизни речевого акта открытой «угрозы» и юридической ответственностью за высказывание угроз.

Сам автор М.Ю. Лермонтов желал, чтобы на ошибках его героев читатели учились преодолевать негативные черты характера. Об этом он пишет, например, в предисловии к «Герою нашего времени», настаивая, на том, что в образе Печорина явлен портрет, составленный из пороков всего поколения 40-х годов XIX века.

Важно понять, как преодолеть такие пороки, как речевая агрессия и избежать впоследствии деструктивного поведения и использования угроз при достижении своей цели. Все это обусловило выбор темы нашего исследования.

Объект исследования – речевые акты предостережения и угрозы в различных коммуникативных ситуациях и особенности процесса освоения данных категорий учащимися в школе и в вузе.

Предмет – функционирование речевых актов предостережения и угрозы в произведениях М.Ю. Лермонтова и способы изучения учащимися речевых актов предостережения и угрозы на занятиях в школе и в вузе.

Новизна проявляется в том, что впервые была предложена методика выявления и различения двух речевых актов на материале творчества М.Ю. Лермонтова, который отразил конфликтные тактики общения в своих произведениях точно и убедительно.

Целью магистерской диссертации является исследование речевых актов предостережения и угрозы в прагмалингвистическом и методическом аспектах на материале произведений М.Ю. Лермонтова

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- На основе анализа различных подходов, классификаций речевого акта предостережения и угрозы выявить особенности их семантической структуры и функционирования.

- Описать специфику функционирования речевых актов предостережения и угрозы в произведениях М.Ю. Лермонтова.

- Разработать способы изучения произведений М.Ю. Лермонтова в прагмалингвистическом аспекте на занятиях в школе и вузе.

- Смоделировать занятие в форме тренинга при изучении курса «Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия» в вузе.

Положения, выносимые на защиту:

- Речевой акт предостережения используется с целью уберечь адресата от возможной опасности. Приоритетность говорящего, рекомендательный характер и интенциональная направленность на благо адресата характеризуют речевой акт предостережения. Данные черты могут служить основными опорными точками при анализе предостережения.

- Угроза как деструктивная стратегия, в отличие от предостережения, предполагает другую тональность общения, она направлена на запугивание адресата и манипуляцию его сознанием. Поскольку угроза представляет собой асоциальное действие и может иметь негативные последствия, то говорящий иногда стремится использовать прием маскировки речевой цели угрозы при помощи косвенных речевых актов.

- Угроза, как речевой акт, формируется через ряд стадий: предостережение, предупреждение и собственно угроза, а далее могут следовать реальные деструктивные действия.

- В поэзии М.Ю. Лермонтова среди комиссивов чаще всего встречается предостережение, в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» активно функционирует предупреждение, в драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» наиболее ярко отражен процесс формирования

коммуникативного намерения угрозы. Изучение особенностей проявления данных коммуникативных намерений на этом материале продуктивно для формирования навыков различения данных речевых актов школьниками и студентами-филологами.

Апробация работы осуществлялась в течение всего исследования и проходила в МБУ «Школа № 20». Также результаты обсуждались на научно-практических конференциях:

- Научно-практической конференции «Молодежь. Наука. Общество» в рамках секции «Отечественная филология (русский язык, русская литература)» (Тольятти, 20–24 декабря 2021 г.);

- Научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Лингвокриминалистика» (Тольятти, 04-09 апреля 2022 г.);

- Научно-практической конференции «Молодежь. Наука. Общество» в рамках секции «Отечественная филология (русский язык, русская литература)» (Тольятти, 12 декабря 2022 г.);

- Научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» (Тольятти, 5-24 апреля 2023 г.);

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

- Биккулова А.И., Сомова Л.А. Функционирование речевого акта предостережения в оде А.С. Пушкина «Вольность» и стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание» // Молодежь. Наука. Общество – 2023: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция: Тольятти, 20-24 декабря 2021 года: сборник студенческих работ /отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023. С. 439- 444.

- Биккулова А.И. Упрек как речевой акт в лирических посланиях М.Ю. Лермонтова, адресованных Н.Ф. И. // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. (Тольятти, 04 апреля – 25 апреля 2022 года): сборник студенческих работ /отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022. В печати.

- Биккулова А.И. Речевые акты совета и предостережения в поэзии М.Ю. Лермонтова как предмет художественного познания в 10 классе // Молодежь. Наука. Общество – 2022: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция: Тольятти, 19-22 декабря 2022 года: сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022.

- Биккулова А.И. От предостережения до угрозы: три смежных речевых акта на материале пьесы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. (Тольятти, 03 апреля – 28 апреля 2023 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023. В печати.

Структура работы: магистерская диссертация содержит введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников, а также приложения.

Глава 1 Особенности речевых актов предостережения и угрозы: семантическая структура, способ выражения, классификация

1.1 Семантическая структура речевого акта предостережения и особенности его функционирования

Н.И. Формановская, под речевым актом понимает высказывание, произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения конкретного действия с помощью такого инструмента, как речь.

Речевой акт (РА) состоит из трехмерных фаз, уровней и актов. Иллокуция – заложенный в высказывании поведенческий смысл. Иллокуция связана с намерением, мотивом и целью говорящего произвести нужное воздействие на слушающего с помощью говорения. Произнесенное говорящим, вместе с иллокутивной функцией, обретает интенциональное значение. Сказанное оказывается совершением того или иного действия.

Пропозициональное значение и интенциональное назначение не всегда сходятся. Истолкование интенционального значения и иллокутивной функции высказывания может быть различным в зависимости от коммуникативной ситуации. Обычно, адресатом понимается тот смысл, который заложил в него адресант, однако ошибочное истолкование также возможно.

Перлокуция – это эффект или результат речи говорящего. Она достигается, когда иллокутивное воздействие произошло успешно [17], [74, с. 111].

Н.И. Формановской дана следующая классификация речевых актов:

- Репрезентативы – сообщения, утверждения о некотором положении дел.
- Комиссивы – обещания, обязательства.

- Директивы – стремление говорящего побудить слушающего к совершению чего-либо.

- Рогативы – вопросы.

- Декларативы – декларации, объявления, назначения.

- Экспрессивы – выражение психического состояния.

- Контактивы – выражения речевого этикета.

На их основе выделяются РА с прямыми и косвенными высказываниями. В прямом коммуникативном высказывании иллокутивная цель или интенциональное значение выражается однозначно. В нем форма и значение находятся в соответствии. В косвенном высказывании содержание превышает его поверхностную структуру, и адресат должен догадаться о подразумеваемом.

Косвенные РА подразделяются на конвенциональные и контекстуальные. Конвенциональные распознаются в интенциональном значении, а контекстуальные не расшифровываются без привязки к контексту или коммуникативной ситуации.

Косвенные высказывания используются чаще прямых. Косвенные конвенциональные и контекстуальные высказывания применяются из-за ситуации особой вежливости, стремления скрыть неблагоприятность факта, иронизировать, дать намек или использовать речевую манипуляцию [25], [74, с. 111-119].

В косвенном речевом акте говорящий имеет в виду и прямое значение и, кроме того, нечто большее. И в таких высказываниях показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, могут произноситься для осуществления иллокутивного акта другого типа. Данные классификации Дж. Остина, Н.И. Формановской, Дж. Лича позволяют выявить коммуникативное намерение говорящего и определить интенцию речи [74, с. 111-119].

Следуя приведенной информации, классификация речевого акта основывается на той иллокутивной силе, которую несет в себе высказывание.

Определим, какую цель, с позиции классификации, несет выбранный нами речевой акт предостережения.

М.Г. Безяева рассматривает предостережение и угрозу вариациями предупреждения. Главным отличием между ними считает две самостоятельные целеустановки, имеющие как общие, так и противоположные характеристики. Исследователь приводит работу А.А. Шахматова, в которой акцентировалась прежде всего смысловая сторона, понимание наклонения как разновидности целеустановки. Ученый выделяет особое предостерегательное наклонение, где предостережение выражается через частицу не + императив глагола совершенного или несовершенного вида [9, с. 458].

Также М.Г. Безяева считает, что предостережение – это выражение желания говорящего, чтобы слушающий не совершал действия, которое могло бы помешать планируемому им действию. Предостережение используется в интересах самого говорящего. Предупреждение ученый рассматривает как информирование слушающего об опасности говорящим заранее. Адресант информирует адресата о наличии некоторой ситуации или развития какого-то события, которое адресат должен учесть, принять во внимание при осуществлении планируемых действий [9, с. 458].

А. Вежбицкая приводит формулу предостережения, которая отражает мотив и интенцию предостерегающего, раскрывает ментальный акт, определяющий высказывание. Семантически она устроена следующим образом. «Говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое. Думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось» [15, с. 99].

Е.В. Слепушкина, исследуя речевой акт предупреждения, приводит поле концепта «предупреждение» в виде схемы:

- собственно предупреждение (48%);
- предупреждение с оттенком предостережения (18%);
- предупреждение с оттенком угрозы (18%);

- предупреждение-совет (16%) [63, с.7].

Таким образом, речевой акт предостережения используется с целью уберечь адресата от возможной опасности. Это выражается в стремлении адресанта побудить совершать или, наоборот, не совершать определенного действия или ряда таких действий. Опознать данный речевой акт с точки зрения семантики мы можем благодаря некоторым особенностям исследуемого высказывания, реплики и т.п.

Приоритетность говорящего, рекомендательный характер и интенциональная направленность на благо адресата характеризуют речевой акт предостережения. Данные черты являются опорными при анализе предостережения.

Для ситуации предостережения присуще:

А (говорящий, адресант) предостерегает В (слушающий, адресат), что Р – плохо для В (слушающего, адресата), если В не выполнит предписываемого действия Х [89, с. 145]. При этом учитывается:

- существует какое-то положение дел, которое невыгодно, с точки зрения адресанта, для адресата

- адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата

- адресант предписывает совершение/несовершение какого-то действия в интересах адресата

- адресант пользуется тактикой «запугивания» путем сообщения о грозящей опасности [89, с. 145].

Понимание структуры высказывания с опорой на вышеперечисленных пункты дает возможности распознавания речевых актов угрозы и предостережения.

1.2 Определение классификационной принадлежности речевого акта угрозы

Речевой акта угрозы в настоящее время активно привлекает внимание лингвистов. Ученые, исследуя главные черты данного речевого акта и классифицируя его, так и не пришли к единому мнению. М.Г. Безяева, А.Н. Баранов, Д.О. Жучков, М.Я. Головинская, А.Ю. Маслова и др. в своих работах предпринимают попытку выявить целеустановку угрозы. Другие исследователи придерживаются мнения, что данный речевой акт связан с императивом и волеизъявлением. Есть гипотезы, в которых предостережение и угроза рассматриваются вариацией предостережения и имеют схожие черты, но разные целеустановки .

Возникают вопросы: можно ли рассматривать слова «предостережение» и «угроза» как синонимы? В каких ситуациях они выступают как абсолютные контекстуальные синонимы? Когда оттенки значений, наоборот, приобретают особую важность для выражения мысли? Размышления над страницами разных словарей могут натолкнуть на важные выводы: часто через сопоставление похожих словарных статей уточняется вер значений.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой даны следующие значения слова «угрожать» [33]:

- Требовать чего-либо, предупреждать о чём-либо, запугивая, грозя чем-либо.
- Создавать угрозу. Быть неизбежным, неотвратимым для кого-либо.
- Таить в себе угрозу, опасность, неприятность.

А как же в других словарях? М.А. Яковлева сделала сопоставительный анализ словарных статей и обнаружила существенные свойства речевого действия угрозы [82].

Отметим, что в своих работах М.А. Яковлева рассматривает угрозу как речевой акт и речевую ситуацию. В первом случае, проанализировав толковые словари, она вывела следующие свойства речевого акта угрозы:

- тактическое средство воздействия на оппонента (Анцупов);
- обещание (Кузнецов, Словарь, Толковый словарь);
- реакцию, выраженную словами, сообщением, поведением (Анцупов, Толковый словарь);
- намерение предпринять что-то (Анцупов);
- желание навредить интересам оппонента (Анцупов);
- стремление причинить зло, неприятность (Кузнецов, Словарь, Толковый словарь);
- агрессия к другим людям, другой стороне (Анцупов, Толковый словарь) [82].

Во втором случае, когда угроза рассматривается как речевая ситуация, М.А. Яковлева выделила следующие характеристики:

- возможность возникновения опасной ситуации (Кузнецов, Словарь, Толковый словарь);
- возможность ситуации, которая приведет к чьим-либо страданиям (Словарь, Толковый словарь);
- возможность бедствий, несчастий, неприятных событий (Кузнецов);
- тот, кто может причинить зло, неприятность (Кузнецов);
- скрывающаяся опасность (Толковый словарь) [82].

Другой эксперт, специалист по лингвистической семантике, А.Н. Баранов, разделяет угрозу на такие подвиды:

- «угрозы-наказания»: акцент поставлен на том, чтобы заставить адресата бояться наказания;
- «угрозы-предупреждения»: говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это;

- пара «угроза-предупреждение» – «угроза-понуждение», в ней говорящий побуждает адресата на действие, с намерением защиты другого [7].

А. Вежбицкая приводит формулу угрозы. «Говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое. Думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X» [15, с. 99].

В зависимости от иллокутивной силы волеизъявления, т.е. ментального состояния в которое хочет адресант привести адресата, по отношению к адресату оно трансформируется в конкретные речевые действия: предостережение, предупреждение, угроза приказ, запрещение и т.п.

Три речевых типа воздействия на волю слушающего/адресата выделил В.А. Артемов:

- убеждение (совет, предупреждение);
- требование прекратить (запрещение, упрек, угроза);
- обязывание и побуждение (приказ).

А.В. Вельским коммуникативное воздействие подразделяется на два типа:

- обязывающее действие, в него входит такие коммуникативные действия как приказ, запрет, требование, угроза;
- коммуникативное воздействие, направленное на свободное решение – это предложение, предостережение и предупреждение.

Приведем определение угрозы, данное М.Г. Безяевой. «Угроза – это предупреждение (я хочу, чтобы ты знал) о желании говорящего осуществить нежелательное (небенефактивное) действие для слушающего (или третьего лица), если тот совершил, совершает, совершит или возобновит нежелательное для говорящего или третьего лица действие либо не совершил, не совершает, не хочет совершить или возобновить желательное

для говорящего (реже - третьего лица) действие, которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего» [9, с. 480].

М.Г. Безяева считает, что, в качестве угрозы могут функционировать и структуры, которые своим лексическим и синтаксическим составом никак не обнаруживают эту целеустановку, но могут быть восприняты как угроза только благодаря своему интонационному оформлению и знанию контекста. Однако угроза предполагает в качестве обязательного компонента целеустановки наличие желания говорящего совершить небенефактивное действие. При отсутствии этой ключевой составляющей речевой акт угрозы не формируется даже при наличии всех прочих условий. Своеобразие угрозы заключается в её потенциальности. И своей вероятностью совершения действия-возмездия характерно отличается от любого обещания, которое предполагает обязательность выполнения эксплицитованного действия [9, с. 480; 11].

О.М. Ермакова утверждает, что акт речевой угрозы носит четкую логико-семантическую структуру и характеризуется вариативными лексико-грамматическими средствами выражения. Ею выделены семь условий осуществления коммуникативного акта угрозы:

- соблюдены условия входа и выхода;
- адресант при произнесении выражает угрозу адресату;
- выражая угрозу, говорящий предсказывает будущий акт самому себе;
- говорящий уверен, что адресат предпочёл бы несовершение им *b* совершению им *B*;
- для говорящего не очевидно, что адресат совершит *b* при нормальном ходе событий;
- говорящий намерен посредством произнесения *B* возложить на себя ответственность за намерение совершить *b*;
- *Г* намерен вызвать у *А* посредством произнесения *B* убеждение в том, что условия (5) и (6) имеют место благодаря осознанию им намерения

создать это убеждение, и он рассчитывает, что это осознание будет являться следствием коммуникативной компетенции адресата [29, с. 95].

Проблема анализа ассиметричных отношений между внешней формой и внутренним содержанием в языке требует задействования прагматических аспектов высказываний, выражающих угрозу. Это ярко продемонстрировал Д.О. Жучков в своем исследовании. Ученый считает, что чтобы определить особенности функционирования языковых единиц в речи, простого анализа лексического значения слова недостаточно. Трудность опознавания и классификации возникает, когда одни и те же лексические единицы используются при конструировании речи с разными целеустановками. Д.О. Жучков приводит пример, в котором друг сделал знакомому подарок. Знакомый отвечает: «Я убью тебя». Очевидная на первый взгляд угроза оказывается выражением смущения со стороны говорящего (того, кто получил подарок). Форма высказывания также не является точным показателем коммуникативного намерения угрозы. О.Д. Жучков ссылается на известный случай, когда вежливый вопрос *How is David?* в юридической практике был расценен как прямая угроза.

В связи с этим, рассматривая сущностные признаки угрозы, необходимо, прежде всего, указать, что при совершении речевого акта угрозы говорящий Г (инициатор угрозы, адресант угрозы) возлагает на себя обязательство совершить определенное действие Д, наносящее ущерб слушающему А (реципиенту угрозы, адресату угрозы).

С этой позиции речевой акт угрозы оказывается зеркальным отражением речевого акта обещания (общим компонентом смысла в них является принятие на себя обязательств определенного рода, различным - положительное в обещании и отрицательное в угрозе влияние этих обязательств на адресата), что относит речевой акт угрозы к классу комиссивов [35, с. 68].

О.В. Эпштейн пишет, что речевой акт угрозы в теории конфликтологии рассматривается как один из видов агрессивных речевых актов, который

служит для манифестации или установления социальной асимметрии. Агрессия предполагает целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред объектам нападения или вызывающее отрицательные переживания. Угроза есть намерение не только навредить интересам другой стороны, но и принудить оппонента действовать согласно предъявленным требованиям [80, с. 216-219].

О.В. Эпштейн, изучая МРА (менасивные речевые акты) на материале английского языка, также вывел, что форма/модель МРА не является главным критерием для отнесения его классу менасивов, следует уделять внимание семантическому содержанию. Как и другие ученые, О.В. Эпштейн придерживается мысли, что внешняя форма речевого акта, без учета смыслового компонента, не может определять класс речевого акта. Последнее выводится из лексического наполнения, контекста и надязыковых факторов. Не имея собственной перформативной формулы, менасивный речевой акт выражается через комплекс таковых, заимствуя их у речевых актов других видов. Его перформативное употребление базируется на необходимости дифференциации иллокутивного акта в пределах прагматического варианта иллокутивного акта нескольких видов, т.е. индивидуализации речевого события путем выбора глагола из ряда возможных для обозначения ситуации угрозы [80, с. 216-219].

На материале английского языка ученый классифицировал угрозу как ряд функциональных перформативных глаголов по типам: 1) угроза-обещание (промисив): *promise, vow, swear*; 2) угроза-предостережение (директив): *warn*; 3) угроза-намерение (комиссив): *intend, seek, assure*.

Используя для своей прямой экспликации перформативную формулу промисива, менасивный речевой акт распознается через прагматический компонент в содержательной структуре высказывания, выражающий намерение адресанта нанести ущерб адресату или предсказать негативные последствия для личности или деятельности адресата.

В методическом пособии О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж приведена схема анализа материала судебной экспертизы. Согласно методическому пособию, экспертизу текста должен проводить лингвист в паре с психологом. Мы приведем лингвистическую часть аналитического этапа экспертизы [42, с. 47-51].

Эксперт-лингвист, во-первых, устанавливает, что именно сообщено и как нужно понимать текст (семантическое протоколирование). Во-вторых, анализ и описание семантических составляющих сообщенного о предмете речи:

-Предметно-тематический анализ (включает в себя предмет речи, что конкретно сказано о предмете, что конкретно сказано о предмете).

- Оценочно-экспрессивный анализ (все выраженные значения оценочно-экспрессивного типа, кому принадлежит оценка и что является объектом оценки).

- Анализ речевых целей (какова речевая цель высказывания, соответствует выраженная речевая цель, коммуникативной цели).

- Используемые автором приемы психологического (в том числе манипулятивного) воздействия.

Авторы обращают внимание, что лингвистические и психологические признаки одного типа тесно связаны. Нередко психологические признаки достаточно однозначно выводятся из лингвистических («если он сообщает об этом, то это значит, что...» [42, с. 47-51].

Для ситуации угрозы присуще: А (говорящий, адресант) угрожает В (слушающий, адресат), что Р – плохо для В, если В не выполнит требования Х. При этом:

- Существует какое-то положение дел, которое не устраивает адресанта – инициатора речевого действия.

- Адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата – объекта речевого действия.

- Адресант предписывает совершение/несовершение какого-то действия в своих собственных интересах.

- Адресант пользуется для достижения этой цели тактикой «запугивания», обещает причинить зло адресату [89, с. 145].

Выводы по первой главе

При определении классификационной принадлежности речевого акта предостережения и угрозы были использованы труды Дж. Серля, Д.О. Жучкова, М.Г. Безяевой Т.Б. Радбиля, Ю.Д. Апресян М.А. Кульковой, Е.В. Слепушкиной, Е.В. Ерофеевой, Ю.С. Клениной и др. На вопрос о принадлежности речевого акта угрозы к конкретному типу у ученых нет единогласного мнения. Дж. Серль относит угрозу к классу комиссивов, аргументируя, что данный речевой акт имеет цель связать говорящего с совершением некоторого будущего действия или поведения.

Т.Б. Радбиль освещает методы и способы определения и квалификации признаков речевого акта угрозы с точки зрения судебно-лингвистической экспертизы. По мнению эксперта, угроза является некооперативным типом диалогического взаимодействия и относится к речевому акту комиссива [57, с. 108].

Существует и другая точка зрения. По мнению Ю.В. Филипповой угроза представляет собой особый вид иллокутивных речевых актов, задача которых заключается в порождении эмоциональной реакции у адресата [75, с. 8]. Е.В. Ерофеева относит речевой акт угрозы к директивно-комиссивному типу (наряду с речевым актом предупреждения), что объясняется его сложной семантической структурой [30, с. 240].

Д.О. Жучков в своем исследовании предпринимает попытку установить принадлежность, однако приходит к выводу о том, что недостаточно опираться только на языковые параметры. Ученый считает, что следует обращаться к экстралингвистическим факторам, выбирая такой подход как наиболее результативное решение [34, с. 71].

Дж. Серль пишет, что предостережение – это информирование адресата о том, что некоторое событие не соответствует его интересам, а совет наоборот – некоторое действие соответствует интересам адресата. Косвенное различие между обещанием и угрозой в том, что первое есть обязательство сделать что-то для вас, а не в ущерб вам, тогда как угроза призвана нанести некий вред.

Получатель предостерегающего-угрожающего высказывания интерпретирует информацию, содержащуюся в нем, как руководство к действию, а побуждение, содержащееся в высказывании, рассматривает как сообщение о состоянии дел. Однако предупреждение является эксплицитным перформативом для иллокутивного глагола «угрожать», а в акте угрозы невыгодное положение дел для адресата, как правило, зависит от адресанта. В связи с этим, несмотря на то, что угроза и предостережение схожи по намерению адресанта вызвать у адресата эмоцию страха по отношению к определенному объекту или явлению, они различаются по дифференциальному признаку – заинтересованности адресанта в выполнении требуемого или предлагаемого действия, или по тому, в чьих интересах совершается данное волевое действие.

Угрозу, в отличие от предостережения, следует отнести к ситуации межличностного конфликта, к сфере злонамеренного поведения. Предостережение ставит цель поспособствовать выживанию.

Признак дружелюбия/вражды адресата не всегда является обязательным. И вместе с тем, угроза может выступать не самоцелью, а лишь инструментом для осуществления желания и её применение обусловлено определенным побуждением. Таким образом, речевые акты предостережения и угрозы следует рассматривать как инструментальное поведение.

Глава 2. Особенности функционирования речевых актов предостережения и угрозы в произведениях М.Ю. Лермонтова: прагмалингвистический и методические аспекты

2.1 Функционирование речевых актов предостережения в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Далее нами будет проанализировано, как речевой акт предостережения функционирует в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Как было упомянуто ранее, для описания структуры коммуникации, нами был выбран метод Г. Лассуэлла, который для анализа коммуникации привел ряд вопросов, где наиболее важными для нас представляются вопросы: «Кто говорит и кому?». Вместе с моделью Г. Лассуэлла включим схематическую модель коммуникации по Р. Якобсону. Согласно его методу анализа коммуникативного акта, важно рассмотреть сообщение отправителя получателю в связке с контекстом, обеспечивающим целостность содержания сообщения. В модели Якобсона участвуют адресант и адресат, от первого ко второму направляется сообщение, которое реализовано с помощью кода. Контекст связан с содержанием сообщения, понятие контакта – с регулятивным аспектом коммуникации.

Также при анализе отрывков из романа, помимо методов Г. Лассуэлла и Р. Якобсона, будем опираться на схему данную Żanna Starowa и N.Masalska:

Для ситуации предостережения характерно следующее: А предостерегает В, что Р – плохо для В, если В не выполнит предписываемого действия Х (не требование). При этом:

- Существует какое-то положение дел, которое невыгодно, с точки зрения адресанта, для адресата.

- Адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата.

- Адресант предписывает совершение/несовершение какого-то действия в интересах адресата.

- Адресант пользуется тактикой «запугивания» путем сообщения о грозящей опасности.

С точки зрения сюжетных событий, конкуренция между двумя персонажами Лермонтова – Печориным и Грушницким не явна, а скорее носит скрытый характер, однако напряженность взаимоотношений приятелей очевидна читателю. Печорин манипулирует, использует тактики колкости, иронии, насмешки, однако не дает общению вылиться в открытый конфликт. Старается нивелировать, сгладить коммуникацию, когда оппонент, очевидно, вот-вот сорвется и диалог перейдет в открытую ссору [25].

Обратимся к следующему фрагменту. Печорин, по счастливой случайности, узнает о заговоре против него. Капитан Драгунский с Грушницким хотят подставить Печорина и выставить трусом. Что герой испытывает в данной ситуации, что мы знаем о его состоянии?

Во одном из фрагментов главы «Княжна Мери» (от «Я вернулся домой» до «Я вам не игрушка!») сказано, что Печорин возвращается домой охваченный двумя различными чувствами: грустью (мысль о том, что его образ вызывает у людей недоброжелательство, расстраивает героя) и злостью, – отношение в его адрес выливается *мало-помалу* в ядовитую злость на Грушницкого и его пособников. Печорин не считает, что он не мог настолько обидеть кого-то, тем самым, заслужив такой мести.

Итак, есть заговор офицеров во главе с Грушницким против Печорина. Как же реагирует герой, портрет которого составлен из типичных пророков поколения молодых людей 40-х годов XIX века? Вслушаемся во внутренний диалог Печорина с самим собой. Глагол, который использует герой, показывает намерение героя предостеречь соперника. Глагол несовершенного вида в повелительном наклонении и в форме второго лица

единственного числа «берегись» свидетельствует об этом. Для сравнения отследим обращение Печорина к Грушницкому по ходу развития сюжета. Печорин вполне по-товарищески советует Грушницкому не обманываться: «Да, она не дурна... только берегись, Грушницкий!» [46, с. 99]. За внешней простотой Мери скрывается барышня знающая себе цену и уважающая свое социальное положение. Что указывает на то, что Печорин использует предостережение?

Во-первых мы наблюдаем Ты-форму и неформальный стиль общения. Во-вторых это можно доказать, используя алгоритм выявления намерения говорящего, предложенный Żanna Starowa и N.Masalska.

Печорин намекает, что положение дел складывается не в пользу Грушницкого: оно ему не выгодно (а); герой намеревается оказать воздействие на возможные поступки адресата Грушницкого (б); предписывает не свершать этого действия, что его-же (адресата) интересах (в); г) в какой-то степени пользуется тактикой запугивания, используя глагол «берегись».

Это подтверждает и обращение Печорина к Грушницкому пред балом: «Это правда... Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...» [46, с. 123]. Слово «надувать» явно просторечное, всем известно, что оно означает – «обмануть», «провести». Герой вновь использует и Ты-форму и неформальный стиль общения и просторечие, языковые средства, придающие оттенок пренебрежения и грубоватости в отношении предмета речи. Мери для Печорина – игрушка, а для Грушницкого – предмет обожания. Сам же Печорин не хочет быть игрушкой в чьих-либо руках: «Берегись, *господин Грушницкий!* – говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. – Со мной этак не шутят. *Вы* дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. *Я вам* не игрушка!...» [46, с. 143]. В речи героя появляется деловое обращение и Вы-форма. Так формируется намерение вызвать соперника на дуэль: дружеское

«Ты» здесь не приемлемо, требуется официальное «Вы». Кроме того, это «вы» многолико – Грушницкий и его сообщники.

Непосредственно перед дуэлью Ты-форма и Вы-форма сливаются: «Берегитесь! – закричал я ему, – не падайте заранее; это дурная примета» [46, с. 162]. Перед Печориным и друг и враг одновременно. В этом глубокий психологизм прозы М.Ю. Лермонтова. В сравнении с используемой Печориным ранее Ты-формой, мы видим увеличение дистанции между приятелями. Н.И. Формановская пишет, что Вы-форма используется в официальной обстановке и означает подчеркнуто вежливое и сдержанное общение. Писатель указывает, что дружеское общение, несерьезное и шутовское, между товарищами окончено [74, с. 99-108], [75, с. 211].

Далее обратим внимание на важные лексические единицы с точки зрения контекста. Использование Печориным в речи словосочетаний «не шутят», «не игрушка» указывает на то, что герой намерен прекратить, имевший место быть ранее, несерьезный характер общения. Оценочная характеристика «ваших глупых», в отношении приятелей Драгунского, и соответственно, косвенно Грушницкого, демонстрирует интеллектуальное превосходство, по мнению Печорина, над сослуживцами.

В самой структуре фразы «Вы *дорого* можете *заплатить* за одобрение», содержится предупреждение. Аргументом является толкование значения словосочетания *дорого заплатить* во фразеологическом словаре

И.А. Федорова: «дорого платить/дорого заплатить» за что. Разг. Экспрес. 1. Пострадать в наказание или в отместку за что-либо; поплатиться. 2. Многим жертвовать.

Печорин предупреждает о потенциальном возмездии за доверие капитану и необдуманность идеи Грушницкого. Экспрессивность лексики говорит об эмоциональном настрое героя. Печорин не пустит происходящее вокруг него на самотек.

Перейдем к следующему фрагменту романа. Грушницкий в компании капитана Драгунского рассуждают о том, кто же мог оказаться ночью в доме

Лиговских. Грушницкий полагает, что видел там Печорина. Как раз в этот момент герой и застаёт приятеля: «Прошу вас, – продолжал я тем же тоном, – прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушные женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью» [46, с. 151].

Перед нами, несомненно, речевой акт предостережения. Проанализируем его по схеме, приведенной ранее:

- Печорин говорит о невыгодности для Грушницкого придерживаемой позиции;

- герой дважды просит отказаться от произнесенных слов: «Прошу вас, прошу вас отказаться от..», тем самым оказывая воздействие на волю и поступки адресанта речи. «Подумайте хорошенько», – призывает внимательнее отнестись к ситуации, в которой оказался;

- адресант речи предписывает несовершение какого-то действия в интересах адресата, а именно, Печорин говорит, что внимание женщины не стоит тех жертв, на которые придется пойти Грушницкому;

- адресант пользуется тактикой запугивания: «Вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью».

Перлокутивный эффект речи не достигнут. Грушницкий не поддается воздействию Печорина. Об этом говорит речевая реакция молодого юнкера:

«Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на все...».

В своем дневнике Печорин пишет: «хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире». Печорину важно, что о нем подумают другие. Собственно, из-за обиды на непринятие обществом Драгунского Печорина («Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?»), у героя возникает желание

справедливости, но не путем убийства, а методом публичного очищения его имени [46, с. 99].

В сцене дуэли, когда Печорин предложит Грушницкому принести извинения и отказаться от клеветы: Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения, третий раз Печорин предпринимает попытку предостеречь Грушницкого:

«– Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

– Я желаю, чтобы это были вы...

– А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал» [46, с. 160].

Отметим, что с точки зрения языкового аспекта предостережение содержит оттенок предупреждения. Обратим внимание на языковое поведение Грушницкого и Печорина. Молодой юнкер *желает*, чтобы Печорин был убит, в то время как сам герой пребывает в состоянии уверенности в результате: *А я так уверен в противном*. Невербальный уровень коммуникации, введенный автором, призван показать, что Печорин не готов быть убитым и более того, рассчитывает на превосходство в схватке. Грушницкий считывает данное состояние противника и приходит в смятение.

Об уверенности Печорина мы видим далее. Юнкер споткнулся, на что герой отвечает: «Берегитесь! – закричал я ему, – не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!» [46, с. 162]. В ироничной форме Печорин просит не «проигрывать» раньше дуэли и намекает, что о заговоре ему известно, а значит, альтернативный вариант развития дуэли, с потенциальным проигрышем Грушницкого у героя готов.

Не каждое высказывание, имеющее с языковой стороны форму речевого акта угрозы, является угрозой.

– Вы счастливы, – сказал я Грушницкому, – вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь – даю вам честное слово [46, с. 163].

К какому классу относится данный речевой акт? Адресант передает адресату речи, что если адресат не убьет адресанта речи, то будет убит. Однако произнесенное речевое намерение убить ложное, то есть, не соответствует реальному намерению. Герой, как мы видим из записи в дневнике, не хотел убивать Грушницкого, он ожидал, что юнкер сдастся: «я был уверен, что он выстрелит на воздух!» Со стороны Печорина был обман.

Как пишет Ж. Старова, предупреждение является эксплицитным перформативом для иллокутивного глагола «угрожать», а в акте угрозы невыгодное положение дел для адресата, как правило, зависит от адресанта. Угрозу, в отличие от предостережения, следует отнести к ситуации межличностного конфликта, к сфере злонамеренного поведения. Предостережение ставит цель – поспособствовать выживанию. Следуя этому, перед нами формальный речевой акт угрозы, который является инструментом манипуляции.

Перейдем к следующему фрагменту. Перед выстрелом Печорин вновь призывает Грушницкого отказаться от клеветы:

«Грушницкий! – сказал я, – еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; – вспомни – мы были когда-то друзьями...» [46, с. 166].

С точки зрения языка происходит обращение по имени к юнкеру, далее видим глагол «отказаться», в значении «не принять, отвергнуть что-либо» [33], который стоит в повелительном наклонении, единственном числе, 2-ом лице – «откажись». Предлог «от» (указывает на состояние, явление, лицо и т.п., против которого, для предотвращения которого используется, употребляется или служит что-либо), направляет внимание на то, от чего конкретно нужно отказаться Грушницкому.

Обратим внимание, героем используются ряд речевых тактик, призванных показать, что у юнкера есть возможность поступить иначе и исправить положение. Бессоюзное предложение в первой части высказывания «еще есть время» – это косвенный речевой акт, цель которого показать наличие возможности воплощения другого варианта развития ситуации.

Тактика условия («откажись от своей клеветы, и я тебе прощу») *все* также направлена на демонстрацию наличия способа исправить положение, и предложено условие, при выполнении которого смерти удастся избежать, нейтрализовать весь негативный опыт взаимодействия в прошлом. Снова используется глагол (императив) «вспомни», второго лица, единственного числа. Обращение героя к позитивному мирному прошлому: «вспомни – мы были когда-то друзьями» влияет на эмоциональную окраску их взаимоотношений сейчас, и возможно, должно смягчить нынешние обстоятельства [75, с. 24].

Перечисленные выше компоненты высказывания демонстрируют цель речевого действия Печорина – повлиять на сослуживца, и не довести дуэль до смертельного конца.

Каков перлокутивный эффект речи? Удалось ли Печорину предупредить Грушницкого и избавить от смерти? Грушницкий убит, несмотря на речевые действия Печорина. Помимо адресата и адресанта речи, исследователь должен учитывать контекст, в который помещен диалог.

В конкретно описываемом событии, Грушницкий с Печориным – враждуют. Гордость и самолюбие (Печорин: «Мое самолюбие удовлетворено, Грушницкий: я себя презираю, а вас ненавижу») не дают обеим сторонам прийти к мирному разрешению конфликта. Наличие свидетелей, капитана Драгунского и его приятелей, и вследствие этого, защита собственного достоинства в глазах других, – и вот возможность отступить от договоренности не представляется возможной [4, с. 3-42].

Персонажная система и событийная составляющая организованы писателем так, что перед нами герои-антиподы, которые через конфликт, реализуют авторское намерение продемонстрировать отрицательные качества человеческого характера [4, с. 3-42], [37, с. 10]. Ряд речевых актов предупреждения в данном произведении были употреблены автором с целью наглядно показать, к чему может привести вражда и неумение прийти к компромиссу.

2.2 Функционирования речевого акта предостережения в оде А.С. Пушкина «Вольность» и стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание»

В настоящее время исследование речевых актов является одним из актуальных направлений коммуникативной лингвистики. Появляются работы, посвященные изучению не только собственно коммуникативного акта, но и отдельных речевых жанров, на примере художественных произведений. Данный параграф ставит целью рассмотрение функционирования речевого акта предостережения в оде А.С. Пушкина «Вольность» и стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание» в прагмалингвистическом аспекте.

Данная проблема поднимается в работах Е.В. Слепушкиной, Е.А. Шугаевой, Ю.С. Клевиной, Е.В. Ерофеевой и М.А. Кульковой и др. Н.И. Формановская среди речевых актов выделяет следующие основные группы: сообщения; обещания; побуждения, акты вопрошания; декларации; высказывания, отражающие психическое состояние говорящего; выражения, репрезентующие позиции речевого этикета.

На наш взгляд, интересно обратить внимание на предостережения как «структурно-семантический и коммуникативный тип волеизъявительных предложений» [41, с. 7], то есть, предостережение и угрозу мы рассматриваем как директивный речевой акт. Предостережение и угроза

сближаются по своему значению, однако содержат разные смысловые оттенки.

Приведем их формулы, выделенные А. Вежбицкой [15, с. 99-111]. Она рассматривает семантическую структуру угрозы как связь следующих позиций:

- говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое;

- думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал;

- говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X.

Предостережение имеет свои оттенки:

- говорю: если ты сделаешь X, то с тобой может случиться нечто плохое;

- думаю, что ты не хочешь, чтобы это случилось;

- говорю это, потому что хочу, чтобы ты мог сделать, чтобы этого не случилось [15, с. 99-111].

Из формул видно, что данные речевые акты достаточно схожи: оба информируют о негативных последствиях события в будущем. Вместе с тем, высказывания угрозы заставляют объект совершить действие путем манипуляций и методов психологического воздействия. Дискурсы, лежащие в основе предостережения работают иначе. Целью таких высказываний является обезопасить, защитить или предостеречь того, на кого направлено это воздействие. Совершается попытка предупредить адресата о неблагоприятной для человека ситуации.

Посмотрим, как речевые акты предостережения реализуется в стихах писателей XIX века. Согласно исследованию Ю.С. Клениной, «семантика предостережения в современном русском языке реализуется лексическими, морфологическими, синтаксическими, ритмико-интонационными средствами» [40, с. 43].

В «Предсказании» М.Ю. Лермонтов предрекает страшное будущее, которого невозможно избежать, детально описывая ужас и страх: «Настанет

год, России черный год» [45, с. 109]. Автор показывает, что насилие породит большее насилие и в первую очередь изменения затронут простых людей: «Когда детей, когда невинных жен / Низвергнутый не защитит закон» [45, с. 109].

Одним из способов выражения эксплицированного предостережения являются слова, содержащие в самой лексеме глагола значение боязни и опасения: «не защитит». Помимо этого, в строке мы видим типичную схему предостережения; она выглядит следующим образом: «не + V» [41, с. 4]. Данная схема накладывает запрет на совершение определенного действия: цель адресанта – обрисовать негативные последствия, заранее предупредив адресата.

Предостережение заложено в самой структуре стихотворения. Оно обнаруживается в форме и расстановке смысловых акцентов при его интерпретации [60, с. 18]. В первой части автор в деталях описывает все ужасы грядущих перемен: «Настанет год..., Когда царей..., Когда детей..., Когда чума..., И станет глад сей бедный край терзать..., И зарево окрасит волны рек» [45, с. 109]. Во второй части (от слов «В тот день...») мы видим появление «мощного человека», с которым придут перемены: «и будет все ужасно, мрачно в нем» [45, с. 109].

Отмечается преимущественное употребление глаголов будущего времени в паре со словами, имеющими негативную коннотацию: «будет смерть и кровь», «чума от смрадных, мертвых тел / Начнет бродить», «зарево окрасит волны рек», «будет все ужасно, мрачно». Такой способ призван передать грядущие перемены, эмоционально усилив словами «ужасно», «мрачно» опасения автора, и вызвать тревожные ожидания у читателей.

Ю.С. Клевиной было выделено пять функциональных типов превентивных высказываний [40, с. 44]. Один из них – предостережение против возникновения и осуществления намерения действовать определенным образом. Данный тип высказываний мы находим в «Вольности» А.С. Пушкина.

В первом восьмистишии и заложена цель автора одического произведения: «Хочу воспеть Свободу миру, / На тронах поразить порок» [57, с. 214]. Ода «Вольность» – это предупреждение «владыкам», напоминание, что венец и трон «Дает Закон – а не природа» и царь обязан помнить, что закон превыше всего.

Что касается самого названия стихотворения, то оно трактуется неоднозначно. В.В. Лепахиным дается такая трактовка: «Можно говорить, по меньшей мере, о двух пониманиях свободы (нередко говорят о трёх и более). Воля («воли мне мало», – говорит пушкинский Пугачёв) как вседозволенность, особенно, если Бога нет (Достоевский) и воля, свобода как ответственность перед ближним и Богом, который есть источник всякой истинной свободы. И тогда воля-свобода состоит в стремлении познать Промысл Божий и действовать в синергии с ним» [43, с. 17].

Таким образом, это дает нам понимание, что А.С. Пушкин предупреждает не только «владыку», но и народ. Автор стоит на позиции вольность-свобода, вытекающей из высшей Истины, которая станет «стражей трона» [43, с. 17].

Рассмотрим строки: «И горе, горе племенам, / ...Где иль народу, иль царям / Законом властвовать возможно!» [57, с. 214]. А.С. Пушкин обращается как к владыкам, так и народу. Автор провозглашает почитание закона, утверждение вечных идеалов свободы, гуманности и равенства. Подтверждение этому мы находим в другом фрагменте (со слов: «Лишь там над царскою главой» до «Их меч без выбора скользит») [57, с. 214].

А.С. Пушкин пишет: «законов мощных сочетанье», только «верными руками» простерт твердый щит. Что значит, лишь строгое и разумное соблюдение закона поможет сразить «праведным размахом» преступления. Важно применять власть в благих целях. И перед лицом закона народ и владыка должны отвечать на равных. Прежде всего они граждане: «Граждан над равными главами / Их меч без выбора скользит» [57, с. 214]. Меч выступает как образ высшей силы справедливости.

Поэт противопоставляет «самовластительным злодеям», предупреждая читателей о негативных последствиях, сложившихся по причине использования власти в недобросовестных целях. Автор взывает к справедливости: «Тираны мира! трепещите! / А вы, мужайтесь и внимайте, / Восстаньте, падшие рабы!» [57, с. 214]. От речевого акта предупреждения до речевого акта призыва небольшое «расстояние».

Но поскольку перед нами художественная реальность, то демонстрация призывной интонации – предупреждение лирического героя, то есть спрогнозированный образ возможного будущего лидера реального восстания.

Итак, на примере оды А.С. Пушкина «Вольность» и стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание» нами были определены типичные признаки коммуникативного акта предостережения и их функционирование в конкретной ситуации поэтической речи. Выявлено, что для реализации предупреждения используется схема «не + V»; глаголы будущего времени в сочетании со словами, имеющими негативную коннотацию и соответствующее контекстуальное окружение. Композиционное построение произведений, которые литературоведы относят к жанру инвектив (памфлетов, обличающих кого-либо), демонстрирует включение в поэтическую речь фрагментов, отражающих коммуникативные акты угрозы и предупреждения.

2.3 От предостережения до угрозы: три смежных речевых акта на материале пьесы М.Ю. Лермонтова «Маскарад»

Обращение исследователей к речевому акту угрозы не случайно. Актуальность темы диктует время: градус речевой агрессии в обществе растет, в вузах изучают такие предметы, как «Лингвистическая безопасность», «Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия», «Культура речи».

А.М. Плотникова пишет «В последние годы угроза неоднократно становилась предметом рассмотрения в аспекте лингвистической экспертизы текста [7], [78], что вполне естественно, так как угроза входит в состав ряда законодательных норм» [56, с. 82].

Важная компетенция филолога – владение словом, суггестивными стратегиями и тактиками. Собеседники не должны вредить друг другу, напортив, они призваны «вскрывать» манипулятивные действия агрессивного коммуниканта, понимать, как собеседник, сначала используя речевые акты предостережения и предупреждения, переходит к прямой угрозе, а затем и к самому агрессивному действию.

Художественная литература, стремясь отразить образ мира и образ речи литературных героев дает интересные образцы, которые могут служить материалом лингвистического анализа с учетом позиций теории речевых актов. Талантливый художник слова рисует типичные речевые ситуации, показывая возможные последствия агрессивных речевых действий [52, с. 4].

Какой материал будет эффективным при освоении речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы? Советуем выбрать диалоги Арбенина и Нины из драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад». В этом произведении показано последовательное развитие речевого намерения главного героя наказать Нину за предполагаемую измену.

Именно на основе этих диалогов можно проследить, как от предостережений предупреждений Арбенин переходит к прямой угрозе убийством, которое из словесного действия перерастает в действие реальное.

Совмещение угрозы с речевыми актами предостережения и предупреждения требует определения условий успешности речевого акта угрозы.

Для того, чтобы разграничить тонкости выражения речевого намерения, говорящего и понять, когда же предостережение перетекает в угрозу, необходимо дать студентам схему, позволяющую выявить языковые

и содержательные признаки речевого действия угрозы. Следуя точке зрения, это «предварительные условия:

- наличие определенного психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объект угрозы;

- физическая возможность говорящего осуществить требуемые действия;

- существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо, что в общем и относит данный акт к классу комиссивов...;

- условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

- условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени...» [56, с. 83-82].

Приведем примеры с опорой на текст драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад».

Арбенин видел браслет как у жены в руках князя. По странному совпадению, Нина свой браслет тоже теряет. Герой всерьез начинает подозревать жену в неверности, когда слуга возвращается без пропажи: «Потерян там браслет... Избави бог / Тебе вернуться без него!» [44, с. 347].

В данных строчках мы замечаем речевой акт предостережения, в его основе заложена типичная схема: «Если не..., то...» (не столько слугу, сколько Нину предостерегает Арбенин). Враждебности явной еще нет. Обещания нанести вред – тоже. Психологическое состояние главного героя понятно: он еще охочет верить в лучшее. Однако и адресат – Нина – ведет себя провокационно: она скрыла от мужа поездку на маскарад.

Вместо прямого открытого ответа, Нина иронизирует. Вместо того, чтобы успокоить мужа и развеять его сомнения, смеется над слабостью и провоцирует: «Смешно, смешно, ей-богу! / Не стыдно ли, не грех / Из пустяков поднять тревогу» [44, с. 349]. Как ведет себя в ответ Арбенин? Что

предпринимает, когда близкий человек задевает его самолюбие и высмеивает переживания: «Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!» [44, с. 349].

О крайней эмоциональности, напряженности ситуации говорят лексические единицы – обращение героя к Богу и слово «последний» в значении «последний в жизни» = близкий к смерти. Также маркером эмоционального накала являются восклицательные интонации в речи обоих героев. Нину не останавливает страшная речь супруга. Она игнорирует предупреждение.

Героиня продолжает дальше с пренебрежением обращаться к Арбенину: «О, если ваши продолжатся бредни, / То это, верно, не последний» [44, с. 349].

С точки зрения языкового аспекта, мы наблюдаем следующие элементы, провоцирующие собеседника: наигранное удивление (употребление междометия «О»), абстрагирование от смысла речи мужа («если ваши продолжатся бредни»), подчеркнутое согласие (вводное слово «верно»). Нина не поддается речевому давлению мужа [17].

Арбенин пробует обезопасить себя от предательства, путем угрозы: «Но если я обманут... если я / Обманут... если на груди моей змея /... – если точно /.../ Тогда не ожидай прощенья – / Закона я на месть свою не призову» [44, с. 350]. В начале кульминационной сцены мы видим схожесть речевого акта угрозы с типичной схемой предостережения с трёхкратным повтором условия «если..., если..., ...- если» и обстоятельствами возможного негативного сценария развития коммуникативной ситуации.

Арбенин боится быть преданным. Ближе к концу реплики мы замечаем нарастание эмоционального напряжения. Предупреждение из предостережения перерастает в явную угрозу. Арбенин говорит следующее: «Но сам без слез и сожаленья, / Две наши жизни разорву!» [44, с. 351].

Проанализируем реплики героя по схеме, которую обозначили Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов [56, с. 82-83].

Отметим, что, во-первых, соблюдены предварительные условия возникновения угрозы: «наличие психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объект угрозы», у Арбенина есть и «физическая возможность говорящего осуществить требуемые действия».

Во-вторых, герой Лермонтова продемонстрировал «четко оформленное намерение (обещание) нанести вред» Нине.

В-третьих, «говорящий искренне намерен совершить» реальное действие, поскольку его требования не выполнены.

В-четвертых, соблюдено и «условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени» [56, с. 82-83]. Более того, Нина понимает, что это именно угроза, она уже не иронизирует, а пугается: Арбенин «Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону»: «Не подходи... о, как ты страшен!» [44, с. 351].

Схема анализа реплик героя представлена в Таблице 1.

Таблица 1 – Три смежных речевых акта на материале пьесы М.Ю. Лермонтова «Маскарад»

Речевой акт	Реализация в тексте	Маркер речевого акта	Перлокутивный эффект
Предостережение	«Потерян там браслет... Избави бог / Тебе вернуться без него!» [44, с. 347].	= схема «Если не..., то...» (не столько слугу, сколько Нину предостерегает Арбенин).	Адресат иронизирует, смеется, провоцирует
Предупреждение	Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!» [44, с. 349].	«последний» в значении «последний в жизни» = близкий к смерти	Адресат игнорирует предупреждение
Угроза	«Но если я обманут... если я / Обманут... если на груди моей змея /... – если точно /.../ Тогда не ожидай прощенья – / Закона я на месть свою не призову» [44, с. 350].	предостережение с трёхкратным повтором условия «если..., если..., ...- если» и обстоятельствами возможного негативного сценария развития коммуникативной ситуации	

Продолжение таблицы 1

Речевой акт	Реализация в тексте	Маркер речевого акта	Перлокутивный эффект
Угроза	«Но сам без слез и сожаленья, / Две наши жизни разорву!» [44, с. 351].	четко оформленное намерение (обещание) нанести вред	Перлокутивный эффект достигнут. Адресат осознает опасность.

Несомненно, это речевой акт угрозы. Опознано намерение совершить действие, которое будет иметь негативные последствия для адресата. Перлокутивный эффект речи достигнут. Мы наблюдаем на материале пьесы воплощение речевого акта угрозы в настоящее убийство.

Одной из целей данного исследования было показать, что предпосылками этого явления становятся два других смежных речевых акта: предостережение, носящее рекомендательный характер и предупреждение – более строгая мера – близкий к угрозе речевой акт.

На материале драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» можно проследить, как речевой акт предостережения переходит в предупреждение, а затем становится угрозой.

2.4 Речевые акты совета и предостережения в поэзии

М.Ю. Лермонтова как предмет художественного познания в 10 классе

Читая лирический текст, ученик ищет в нем что-то свое, личностно значимое для него. Художественное познание – процесс особенный: происходит интериоризация, школьник находит в поэтическом произведении близкие ему чувства, мысли, ощущения. Его понимание мира и себя становится глубже, осмысленней.

В.Г. Белинский так писал об этом феномене: «Изучить поэта, значит не только ознакомиться, через усиленное и повторяемое чтение, с его произведениями, но и пережить, пережить их. Всякий истинный поэт, на какой бы ступени художественного достоинства ни стоял, а тем более всякий великий поэт никогда и ничего не выдумывает, но облакает в живые формы общечеловеческое. И потому, в созданиях поэта, люди, восхищающиеся ими, всегда находят что-то давно знакомое им, что-то свое собственное, что они сами чувствовали или только смутно и неопределенно предощущали или о чем мыслили, но чему не могли дать ясного образа, чему не могли найти слово и что, следовательно, поэт умел только выразить» [10].

Действительно, А.С. Пушкин демонстрирует «живые формы» человеческого общения, он показывает не просто чувства, а их психологически достоверный художественный «отпечаток». Учит понимать чувства другого человека. В этом несомненное воспитательное значение поэзии А.С. Пушкина [10].

Однако, современным школьникам не всегда легко, читая лирический текст, выявить речевое намерение, опознать речевое действие автора. В заданиях ЕГЭ по литературе, например, предложено сравнить два лирических текста и найти основания, по которым их можно сравнить. Это не всегда тема произведения, иногда сходство можно найти в перекличке эмоций и чувств. Нужно увидеть оттенки чувств одного автора и другого. Но распознавать авторские интенции в лирическом тексте – задача особой трудности.

Какие же речевые акты можно назвать базовыми для воспитания чувств, обращаясь к поэзии М.Ю. Лермонтова? Можно, обратившись к категориям литературоведения, выделить такие мотивы: одиночество человека во враждебном и несправедливом мире, разочарование в любви, «действенное отношение» к жизни, жажда бури и борьбы.

Поскольку поэзия М.Ю. Лермонтова отражает чувства юного человека, эти чувства близки школьникам. Лирика М.Ю. Лермонтова воспринимается

учащимися порой лучше, чем поэзия А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева. Она им близка гипертрофированностью страстей, душевными переживаниями, поиском места в жизни.

Для того, чтобы найти способы освоения такой поэзии нам представляется интересным обратиться к теории речевых актов (коммуникативной лингвистике) на интегрированных уроках литературы и русского языка в школе: мы считаем, что в 10 классе вполне можно рассмотреть с учащимися такие речевые действия в поэзии М.Ю. Лермонтова, как «совет» и «предостережение». Это позволит им понять, как формируется авторская интенция и за счет чего достигается перлокутивный эффект. Конечно, мы не будем нарушать педагогический принцип доступности.

Внедрять в сознание школьников, которые и так перегружены теоретическими знаниями, сложные термины из прагмалингвистики нет необходимости. Но показать силу поэтически заряженного «совета» и «предостережения» важно.

Именно этим объясняется выбор произведений для чтения и освоения на уроках литературы в 10 классе: предлагаем проанализировать стихотворение М.Ю. Лермонтова «Совет» в сопоставлении со стихотворением А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет».

Мысль М.Г. Безяевой о том, что, «предостережение – это предупреждение адресата о том, что его действия могут привести к нежелательным для него последствиям» [9, с. 458], несет в себе еще и воспитательный потенциал. Понятно школьникам и такое замечание ученого: «Адресант не желает наступления негативных состояний, поэтому предупреждение делается в интересах адресата» [9, с. 458].

Попросим школьников объяснить, что такое «совет». Вот некоторые из их рассуждений:

- Что-то полезное, что ты можешь использовать в своей жизни.

- Это что-то непрошенное: не надо лезть в чужую жизнь с непрошеным советом.

- Все-таки совет – это изначально что-то позитивное.

Расширяем границы ас социаций школьников: вводим информацию из коммуникативной лингвистики, доступную для десятиклассников.

Опираемся при этом на определение речевого акта совета, данное Т.И. Шеловских: «совет выражает мнение, высказанное кому-либо по поводу того, как ему следует поступить, что сделать в конкретной ситуации» [78, с. 6].

Цель совета заключается «в побуждении к действию, либо изменению состояния, целесообразному и полезному, по мнению говорящего, для адресата» [78, с. 6].

Научное путешествие из мира литературы в мир коммуникативной лингвистики – новое познавательное действие для школьников.

Поясняем, почему некоторые закономерности коммуникативной лингвистики нужно знать современным школьникам: человеку важно выяснить, «каким образом осуществляются отношения между мышлением и языком, языком и действительностью, языком и культурой, языком и поведением человека, какое свойство языка и каким образом позволяет ему быть инструментом, орудием, средством познания и коммуникации» [56, с. 97-100].

После предварительной беседы предлагаем школьникам проанализировать стихотворение А.С. Пушкина в аспекте коммуникативной лингвистики.

В стихотворении А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» мы видим речевой акт совета: «в день уныния смиришь» [57, с. 239]. Поэт убеждает читателя-собеседника не погружаться в эмоцию с головой, а принять её как временное ощущение нашей повседневной жизни. Он обращает внимание на скоротечность неприятных, иногда и болезненных, моментов. Данный совет связан с утешением: «все мгновенно, все пройдет». Не будет лишним

упомянуть, что, уныние – это грех, и мы готовим детей к жизни, которая может обмануть. Нужно находить в себе силы, чтобы не унывать. Автор утешает нас и стремится донести эту мысль, используя побуждение (в науке это «директивный речевой акт»: об этом свидетельствует повелительное наклонение глагола 2 лица единственного числа «смирись»). Это «волеизъявление» говорящего. А если этот «говорящий» всемирно признанный поэт, то сила такого побуждения определена еще и авторитетом говорящего: поэты призваны «глаголом жечь сердца людей» [58, с. 149].

Вопросы, которые учитель может задать ученикам для освоения речевого акта утешения могут звучать так: «Что для вас утешение? Встречались ли вы с ним в других формах? Кто вас утешал? Могли бы вы посоветовать данные стихи друзьям?».

Стихотворение М.Ю. Лермонтова несет в себе интонацию утешения и речевой акт совета: «Если, друг, тебе сгрустнется, / Ты не дуйся, не сердись: / Все с годами пронесется / Улыбнись и разгрустись» [48, с. 85].

«Сгрустнется», «разгрустись», – разговорная лексика: М.Ю. Лермонтов будто говорит на языке, близком молодежному сленгу. Языковая игра также способствует сближению с читателем. Обращение «друг» создает дружественный тон совета. Автор далее спрашивает: «И мгновенья скуки злые / Стоят ли тоски твоей?» [48, с. 86], побуждая читателя задуматься.

Рогатив (речевой акт вопроса) становится косвенным речевым актом. Он нужен для того, чтобы осмыслить: действительно ли трудности, с которыми сталкивается молодой человек, так сокрушительны? Возможно ли, что переживания временны и не стоит предавать им большое значение? Автор побуждает задуматься, что-то утверждает, в чем-то убеждает читателя. А главное – советует: «Не грусти»; «Не ищи страстей тяжелых», потому что «печаль сама придет» [48, с. 86].

«Не берись учить других», – это уже не просто совет. Речевой акт совета переходит в предостережение. Почему? Предостережение действует в

интересах собеседника, целью таких высказываний является обезопасить, защитить или предостеречь того, на кого направлено это воздействие.

М.Ю. Лермонтов пытается донести до юного читателя, что «сердце глупое творенье» и «безумное волнение» вполне можно укротить. Предостерегает, что, человек, подвергаясь излишним страстям может «чувство счастья» потерять.

Как же перенести это в школьную практику, какие методические приемы помогут учащимся понять речевое намерение автора лирического текста?

Учитель может предложить учащимся объединиться парами и найти в стихотворениях М.Ю. Лермонтова «Если, друг тебе сгрустнется» и А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» точки пересечения (сходные мотивы, лексические и интонационные переключки) и на этом основании придумать одно заглавие для двух текстов. Включается логическое мышление, развиваются умения анализировать и обобщать факты. Финальной работой на уроке может быть творческое задание (оно включает механизм рефлексии): сочинить четверостишие, продолжающее либо пушкинские, либо лермонтовские ключевые строки: «Все мгновенно, все пройдет» и «Все с годами пронесется». Таким образом мы ориентируем ребят на сочувствие, возможность найти свои слова утешения (совет) для сверстников.

Также можно предложить учащимся (включаем механизм антиципации) дописать стихотворение «Если жизнь тебя обманет» А.С. Пушкина, акцентировав внимание учащихся на том, что стихотворение по жанру напоминает послание. Таким образом освоим стилистику жанра послания. И обратим внимание на действенность поэзии, что она может утешать.

Чтобы расширить возможности художественного видения и открыть новые смыслы художественного текста, важно поместить его в другие контексты. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» любят

школьники, им близко чувство одиночества человека, окруженного бесстрастной толпой, ироническое отношение к жизни (как самозащита).

Можно предложить школьникам составить две партитуры выразительного чтения и сопоставить их. Так, стихотворение А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» можно разделить на четыре части, согласно интонационному рисунку: первое двустихие призывает не печалиться, не сердиться, оно читается с мягкой улыбкой, это совет-утешение; второе двустихие может произнесено с оттенком мечтательности: после призыва «смирись» поэт добавляет «верь» (важно верить, что «день веселия настанет»). Можно вспомнить, что уныние – один из смертных грехов в православии: тогда в чтении этих строк появляется еще и торжественность. В следующем двустихии звучит печальная интонация, потому что «настоящее» может быть «уныло». И последнее двустихие – мажорный аккорд: «все пройдет», прошедшее будет казаться милым! И снова сквозь текст пробивается лукавая улыбка автора [32, с. 76].

Почему важна такая работа над интонацией, над выразительным чтением? Она помогает развивать эмпатию, чувствовать интонацию и, через нее, интенцию.

Стихотворение М.Ю. Лермонтов «Не верь себе» построено иначе. Как расписать партитуру его выразительного чтения?

Это стихотворение более объемное, его лучше поделить на четверостишия. Первое четверостишие, в котором встречаются слова «не верь», «бойся» построено на интонации разочарования, скепсиса: раздражение и озлобленность сквозит в речи лирического героя. Второе четверостишие объединено интонацией призыва: можно жизнь свою «истощить» в заботах, это снимет раздражение. Интонация не просто утешения, а некоего удовлетворения от найденного решения. Третьему четверостишию свойственна мечтательная интонация: ключевые слова – «заветный, чудный миг», «сладкие звуки». Четвертое четверостишие построено на интонации предостережения: сначала поэт призывает читателя

(или себя) «не вслушиваться» в сладкие звуки, «не предаваться» чудному мигу, потом появляется образ «ледяного слова» (это не пушкинский огонь, которым можно «жечь сердца людей»): холод этот можно передать замедляя темп речи, как бы замораживая течение речи словом «ледяной». Два других четверостишия можно объединить общей интонацией, подсказанной словами «не выходи», «не унижай себя», «стыдися», – это интонация увещания, в которой слышится «эх, ты!». В последующем четверостишии на первый план выходит интонация обвинения – поэт указывает на «надежды глупые», «злые сожаленья», свойственные адресату поэтического послания – «мечтателю молодому». Следующие два четверостишья – насмешка над толпой: морщины на лицах людей в толпе – следы не только утрат, но и преступлений. Последнее четверостишье – укор: «ты смешон» в состоянии своего возвышенного плача об утраченном, как актер с картонным мечом. Это ирония, разочарование и предостережение не поддаваться восторженной мечтательности в суровом и страшном мире, требующим действий, внутреннего сопротивления бездуховному миру, людям, которые надевают маски, не живут, а играют. Насколько страшно срастание с маской покажет и пьеса М.Ю. Лермонтова «Маскарад».

Другим видом учебной деятельности может быть работа над ключевыми словами поэтического текста. Предлагаем учащимся фрагмент стихотворения «Не верь себе» (от слов «Взгляни: перед тобой играючи идет / Толпа дорогою привычной» и до конца текста). В нем выделены следующие ключевые слова: «дорогою привычной; след забот; тяжелой пыткой не измятый; до преждевременных добравшийся морщин; преступленья, иль утраты; для них смешон твой плач и твой укор; как разрумяненный трагический актер, махающий мечом картонным...» [48, с. 301]. Опираясь на эти слова нужно ответить на вопрос «отчего же предостерегает автор», предложив свое понимание текста, начав со слов: «Я, как читатель, понимаю, что...». Вот, что получилось у одного из старшеклассников:

«Надо уметь взглядеться в жизнь и увидеть *след забот* на лицах окружающих людей. Поскольку в молодом возрасте, мы еще не знаем настоящих забот, которые поджидают нас во взрослой жизни. Не проходили пытки *судьбы*, и поэтому не обрели преждевременные *морщины*. Писатель также акцентирует внимание, что, пройдя через трудности и испытания преступления, утраты...И поэтому внутри толпы, среди всех их забот и каждодневных препятствий *твой укор и плач смешон*. Жизнь такова, что она подвергает нас испытаниям, которые нужно выдержать. Они свойственны человеку. Он должен их пройти. И поэтому в юности, переживая наши первые чувства, мы как актеры, махающие *мечом картонным*».

Отметим в заключении, что такие способы художественного освоения лирического текста в школе опираются не только на современную методику изучения литературы как искусства слова, но и на коммуникативную лингвистику: распознавание намерения говорящего – важное умение в понимании высказывания: прислушиваясь к совету и предостережению, можно иначе построить свою жизнь, стать мудрее и счастливее.

2.5 Освоение студентами-филологами речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы при изучении основ коммуникативной лингвистики

Одна из дисциплин, которые читаются студентам-филологам в магистратуре «Филологическое обеспечение образования и культуры», называется «Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия». Поскольку курс «Основы коммуникативной лингвистики» не читался студентам ранее, он включен как основа в вышеназванную дисциплину. Опорным учебником стало учебное пособие Н.И. Формановской «Речевое общение». Язык/речь рассматриваются автором в аспекте прагмалингвистики.

Теория речевых актов, умение распознавать речевое намерение говорящего, размышления над особенностями художественного дискурса – все это вызывает интерес студентов не случайно.

Для того, чтобы понимать закономерности речевого взаимодействия, различать в речевом поступке говорящего средства воздействия и манипуляции, необходимо получить опыт распознавания речевых актов разного вида. Специального тренинга на распознавание речевых актов предупреждения и угрозы на материале произведений М.Ю. Лермонтова в научной и методической литературе мы не встречали.

Важно подобрать специальные упражнения, организующие такой тренинг. Вот комплекс упражнений на занятии «Лирический герой стихотворений М.Ю. Лермонтова и Печорин: чем отличается коммуникативное намерение говорящего в лирическом высказывании и прозаическом тексте».

Важно понимать родовую специфику художественного текста, она влияет на восприятие читателем интенций героя. Лирика как многосмысловое пространство требует не просто расшифровки намерения лирического адресанта. Она, с одной стороны, обращена к потенциальному читателю, а, с другой стороны, автокоммуникативна: среди читателей автор зрит и себе, к своему внутреннему «я» он тоже обращается. Но сам речевой акт в его интенциональности распознается через интонационный рисунок.

Предлагаем студентам разделиться на четыре группы по два человека. Работа в парах позволяет организовать диалог внутри этой мини-группы. Студенты сами выбирают способ работы: они могут самостоятельно искать ответы, а потом сверять их. Либо вместе в диалоге и споре выбирают нужный ответ. То есть коммуникативные основы коммуникации построены на коммуникативной дидактике.

Первая пара исследует реплики героев в романе «Герой нашего времени», вторая анализирует интенции лирического героя в его поэтическом монологе в стихотворениях.

Задание первой группе.

Определите, какие речевые тактики используют герои, какой речевой акт лежит в основе высказывания и какими речевыми средствами он реализуется:

- «Мне очень жаль, что я вошел после того, как вы уж дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости» [44, с. 562].

- «Грушницкий! – сказал я, – еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; – вспомни – мы были когда-то друзьями...» [44, с. 573].

- «Мне это тем более лестно», – сказала она, – что вы меня вовсе не слушали; но вы, может быть, не любите музыки?..

– Напротив... после обеда особенно» [44, с. 537].

- «Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..» [44, с. 530].

В первом примере студенты распознают речевую тактику упрека, во втором – угрозы, в третьем и четвертом – насмешки. Показывают на примерах из текста, какие речевые акты лежат в основе, определяют, прямые они, или косвенные. И подчёркивают языковые средства, за счет которых эти речевые акты реализуются.

Задание для второй группы.

Изобразите типичную схему речевого акта предостережения:

- «Я свободы... не отдам / И так пожертвовал я годы».

- «Я знал: то не любовь – и перенес /.../ Веселый миг тебе дороже».

- «Отныне стану наслаждаться / И в страсти стану клясться всем».

- «Я дал бы миру дар чудесный, / А мне за то бессмертье он?».

Студенты выбирают в первом (А) и втором (Б) случае схему «не + V», поясняют, почему именно она задает интенцию предостережения, анализируют ее по схеме (схема представлена на с. 22-23 данной работы).

Распознать ее можно только восстановив полный текст лирического произведения. Особый спор возникает при разборе трех последних примеров: лирический герой «пугает» возлюбленных собой? Предостерегает от излишнего доверия клятвам?

Декларативы выстраиваются в интонацию упрека. Лирический герой будто надевает маску своего «Демона» («Клянусь я первым днем творенья, / Клянусь его последним днем»). Предупреждение в ответной нелюбви и мщении часты в поэзии М.Ю. Лермонтова.

Задания для третьей и четвертой группы связаны с изучением манипулятивных тактик речевого общения.

Задание для третьей группы.

Проанализируйте стихотворение «К Н.И...» [47, с. 118] М.Ю. Лермонтова. Приведите примеры манипулятивных тактик в стихотворении. Запишите ниже и аргументируйте свой ответ.

Вот некоторые из ответов студентов:

- Обратим внимание на такие строки стихотворения М.Ю. Лермонтова:
«И я всегда скажу, что ты / Несправедливо поступила» [47, с. 118].

Послание окрашено чувством обиды, нежеланием прощать ни при каких обстоятельствах в будущем («всегда скажу»), готовностью отстаивать только свою правду.

- Вот другие примеры речевого воздействия на адресата (в стихотворении названа Н.И.):

«И в час блаженнейший тебя / Воспоминание встревожит! / Тебя раскаянье кольнет» [47, с. 118].

«Вослед за тобой побежит мой укор /.../Гораздо мучительней будет» [47, с. 218].

Основная функция таких высказываний – описание негативных последствий в будущем, как способ возмездия за личную душевную боль. Студенты обращают внимание на особенности употребления глаголов, на выбор других лексических средств.

Задание для четвертой группы.

Проанализируйте стихотворение «К ***» («Я не унижусь пред тобою») [47, с. 169] М.Ю. Лермонтова. Приведите примеры манипулятивных тактик в стихотворении. Запишите ниже и аргументируйте свой ответ.

Студенты приводят строки из текста, размышляют:

- Особое эмоциональное воздействие на адресата могут оказать такие строки стихотворения:

«Знай: мы чужие с этих пор»...

«Я свободы... не отдам / И так пожертвовал я годы» [47, с. 169].

Автор предупреждает возлюбленную, что она больше не сможет помыкать им и распоряжаться его жизнью. Это типичная схема речевого акта предостережения: «не + V», где «не» – отрицательная частица, V – глагол предостережения).

В качестве индивидуального задания с повышенной сложностью, метода текущего контроля на занятии, или после групповой работы, можно предложить студентам самостоятельно заполнить карточку. Наглядная форма представленной и структурированной информации обеспечит усвоенное на занятии. Структура индивидуального задания для выявления речевых актов упрека и предостережения представлена в Таблице 2.

Таблица 2 – Индивидуальное задание для выявления речевых актов упрека и предостережения

Тип речевого акта	Поэтический текст	
	К Н. И. («Я не достоин, может быть»)	К* («Я не унижусь пред тобою»)
Упрек	1. «И я всегда скажу, что ты / Несправедливо поступила» [47, с. 118].	1. «Такой души ты знала ль цену? / Ты знала - я тебя не знал!»[47, с. 169].

Продолжение таблицы 2

Тип речевого акта	Поэтический текст	
	К Н. И. («Я не достоин, может быть»)	К* («Я не унижусь пред тобою»)
Предостережение	1. «И в час блаженнейший тебя / Воспоминание встревожит! / Тебя раскаянье кольнет» [47, с. 118].	1. «Знай: мы чужие с этих пор / Ты позабыла: я свободы / Для заблужденья не отдам» [47, с. 169]. 2. «Отныне стану наслаждаться / И в страсти стану клясться всем; Со всеми буду я смеяться, / ... / Начну обманывать безбожно» [47, с. 169].

Какой еще дидактический материал мы считаем эффективным при освоении речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы на занятиях по дисциплине «Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия»?

Это диалоги Арбенина и Нины из драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад». В этом произведении показано последовательное развитие речевого намерения главного героя наказать Нину за предполагаемую измену. Именно на основе этих диалогов можно проследить, как от предостережений предупреждений Арбенин переходит к прямой угрозе убийством, которое из словесного действия перерастает в действие реальное.

Совмещение угрозы с речевыми актами предостережения и предупреждения требует определения условий успешности речевого акта угрозы.

Для того, чтобы разграничить тонкости выражения речевого намерения, говорящего и понять, когда же предостережение перетекает в угрозу, необходимо дать студентам схему, позволяющую выявить языковые и содержательные признаки речевого действия угрозы. Следуя точке зрения, это «предварительные условия: а) наличие определенного психологического

состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объект угрозы;
б) физическая возможность говорящего осуществить требуемые действия];

- существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо, что в общем и относит данный акт к к классу комиссивов...;

- условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

- условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени...» [56, с. 83-82].

Эти условия и должны обнаружить в диалогах из драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» обучающиеся. Анализируя Арбенина и Нины, учащиеся дала следующие ответы:

- Арбенин видел браслет как у жены в руках князя. По странному совпадению, Нина свой браслет тоже теряет. Герой всерьез начинает подозревать жену в неверности, когда слуга возвращается без пропажи: «Потерян там браслет... Избави бог / Тебе вернуться без него!» [44, с. 347]. В данных строчках мы замечаем речевой акт предостережения, в его основе заложена типичная схема: «Если не..., то...» (не столько слугу, сколько Нину предостерегает Арбенин). Враждебности явной еще нет. Обещания нанести вред – тоже. Психологическое состояние главного героя понятно: он еще охочет верить в лучшее. Однако и адресат – Нина – ведет себя провокационно: она скрыла от мужа поездку на маскарад. Вместо прямого открытого ответа, Нина иронизирует. Вместо того, чтобы успокоить мужа и развеять его сомнения, смеется над слабостью и провоцирует: «Смешно, смешно, ей-богу! / Не стыдно ли, не грех / Из пустяков поднять тревогу» [44, с. 349]. Как ведет себя в ответ Арбенин? Что предпринимает, когда близкий человек задевает его самолюбие и высмеивает переживания: «Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!» [44, с. 349]. Арбенин, с пылким темпераментом, непростым характером, ожидаемо, злится. В речи героя мы

наблюдаем речевой акт предупреждения. О крайней эмоциональности, напряженности ситуации говорят лексические единицы – обращение героя к Богу и слово «последний» в значении «последний в жизни» = близкий к смерти. Также маркером эмоционального накала являются восклицательные интонации в речи обоих героев. Нину не останавливает страшная речь супруга. Она игнорирует предупреждение. Героиня продолжает дальше с пренебрежением обращаться к Арбенину: «О, если ваши продолжатся бредни, / То это, верно, не последний» [44, с. 349]. С точки зрения языкового аспекта, мы наблюдаем комичность и абсурдность ситуации для Нины и её желание выразить это через речь: наигранное удивление (употребление междометия «О»), абстрагирование от смысла речи мужа («если ваши продолжатся бредни»), подчеркнутое согласие (вводное слово «верно»).

- Нина не поддается речевому давлению мужа. Поэтому Арбенин использует тактику жалости: «Кто знает, может быть... / Послушай, Нина!.. я смешон, конечно/.../ Все, что осталось мне от жизни, это ты/ Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье.../ Я человек: пока они мои,/ Без них нет у меня ни счастья, ни души, / Ни чувства, ни существованья!» [44, с. 350]. Герой соглашается, что он смешон, ничтожен. И все, что него есть – Нина. Она наполняет его жизнь смыслом существования. Дает желание жить. Её чувства к нему, легкость, которая есть в ней, но нет у Арбенина и светлый взгляд на мир питают его душу. Нина поддерживает стремление к жизни. И без неё реальность героя будет серой, а существование пустым.

- Однако искреннее признание героя в его уязвимости, зависимости от девушки, заставляет Арбенина обезопасить себя от предательства, путем угрозы. Арбенин: «Но если я обманут... если я / Обманут... если на груди моей змея /... – если точно /.../ Тогда не ожидай прощенья – / Закона я на месть свою не призову» [44, с. 350]. В начале кульминационной сцены мы видим схожесть речевого акта угрозы с типичной схемой предостережения с трёхкратным повтором условия «если..., если..., ...- если» и обстоятельствами возможного негативного

сценария развития коммуникативной ситуации. Арбенин боится быть преданным. По отношению к жене использует фразеологизм «пригреть змею». Ждет подвоха. Боится узнать правду о том, что их любовь была ложью, а он был «лаской усыплен». Не доверяет Нине, подозревая, что «с другим осмеян был заочно!». Ближе к концу реплики мы замечаем нарастание эмоционального напряжения. Предупреждение из предостережения перерастает в явную угрозу. Арбенин говорит следующее: «Но сам без слез и сожаленья, / Две наши жизни разорву!» [44, с. 351].

- Проанализируем реплики героя по схеме, которую обозначили Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов [56, с. 82-83]. Отметим, что, во-первых, соблюдены предварительные условия возникновения угрозы: «наличие психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объект угрозы», у Арбенина есть и «физическая возможность говорящего осуществить требуемые действия». Во-вторых, герой Лермонтова продемонстрировал «четко оформленное намерение (обещание) нанести вред» Нине. В-третьих, «говорящий искренне намерен совершить» реальное действие, поскольку его требования не выполнены. В-четвертых, соблюдено и «условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени» [56, с. 82-83]. Более того, Нина понимает, что это именно угроза, она уже не иронизирует, а пугается: Арбенин «Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону»: «Не подходи... о, как ты страшен!» [44, с. 351].

- С этим нельзя не согласится. Вполне убедительно доказано, что это речевой акт угрозы. Оpoznано намерение совершить действие, которое будет иметь негативные последствия для адресата. Арбенин угрожает. Безжалостно. Не щадя чувств Нины. Перлокутивный эффект речи достигнут. Нина всерьез напугана словами и поведением мужа. Невербальный уровень, задействованный автором для более точной передачи состояния девушки, демонстрирует явный страх и отторжение [68, с. 59]. Это подтверждает ракой диалог героев драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад»:

Нина: «Выслушай, молю;/О, боже, но чего ж ты хочешь?»

Арбенин: «Мести!»

Нина: «Кому ж ты хочешь мстить?»

Арбенин: «О, час придет, / И право, мне вы надивитесь» [44, с. 353].

- Дважды мы видим РА угрозы в речи Арбенина. Нина в отчаянии, ревность овладела мужем. Героиня убегает в слезах. Он не хочет её слышать. Его гордость и самолюбие задеты. Арбенин уверяет её, что уже поздно жалеть и лить слезы. Он решил их судьбу: «Я сам свершу свой страшный суд... / Она умрет – я прежней твердой воле / Не изменю! Ей, видно, суждено / Во цвете лет погибнуть, быть любимой» [44, с. 412].

Данный монолог является доказательством тому, что подсыпать яд жене, тем самым убив её, не было поспешным решением. Арбенин пришел к этому решению через ряд событий. Это преднамеренное убийство.

Таким образом, выявлено, что первоначальное предостережение главного героя драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» в опасности утаивании правды (героиня не восприняла серьезно опасения мужа, тем самым поселив в нем сомнения: «А думаешь... глупец? [44, с. 341]) не достигло перлокутивного эффекта. Когда дело касается речевой агрессии, а инициатор диалога не только находится в психологическом состоянии резкой враждебности, но и может (таков психотип- крайний индивидуалист) осуществить деструктивное действие, важно найти способы конструктивного решения проблемы.

Отстраненность и насмешка подорвали веру Арбенина в искренность Нины. Мы наблюдаем на материале пьесы воплощение речевого акта угрозы в настоящее убийство. Одной из целей данного исследования было показать, что предпосылками этого явления становятся два других смежных речевых акта: предостережение, носящее рекомендательный характер и предупреждение – более строгая мера – близкий к угрозе речевой акт.

Итак, логика размышлений студентов по выявлению речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы базируется на методологически

значимых положениях коммуникативной лингвистики. Выбор материалов исследования не случаен. Классические пьесы (например, драма М.Ю. Лермонтова «Маскарад»), диалоги литературных героев в рассказах и повестях, основанные на конфликтном взаимодействии, тексты современных исполнителей русского рэпа – все это отражение типичных речевых ситуаций, воплощенных в художественном слове, а значит емких и психологически убедительных [32, с. 4]. На материале драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» мы проследили, как речевой акт предостережения переходит в предупреждение, а затем становится угрозой.

Выводы по второй главе

Таким образом мы видим, что М.Ю. Лермонтов показывает тонкости общения героев психологически точно и достоверно, отражая речевые тактики и стратегии при которых полно раскрывается специфика функционирования речевых актов предостережения, предупреждения и угрозы.

При анализе угрозы, как деструктивной стратегии речевого поведения, следует учитывать коммуникативную ситуацию, тональность общения, специфику коммуникативного взаимодействия и выбор стратегий и тактик речи. На материале произведений М.Ю. Лермонтова, нами было выявлено, что угроза формируется через ряд стадий. А именно, предостережение, предупреждение и собственно угроза.

В лирических произведениях М.Ю. Лермонтова мы проследили особенности речевого акта предостережения. Художественное пространство, специально созданное, выполняет терапевтическую роль: происходит процесс интериоризации («присвоения» лирического переживания). Потенциальный читатель отождествляет себя с позицией лирического героя М.Ю. Лермонтова. Он познает не только манипулятивную силу, но и конфликтный потенциал этого речевого акта. Важно осознать, что

предостережение – это не безобидные речевые действия, а шаги к перерождению жертвы в палача.

В романе «Герой нашего времени» функционирует речевой акт предупреждения. Каждый персонаж в большей или меньшей степени использует стратегии и тактики конфронтации, которые указывают на конфликтное начало и выливаются в трагедию. Диалоги Арбенина и Нины из драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» проморгают увидеть, как через предостережение – предупреждение – угрозу главный герой наращивает деструктивный потенциал своего речевого намерения. Кульминацией становится уже реальное действие – убийство Нины. При освоении дисциплины «Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия» приведенный материал может стать дидактической базой для составления упражнений для студентов, совершенствующих свои умения в опознавании и классификации стратегий и тактик общения, нацеленных на конфронтацию.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Речевой акт – это минимальная единица речевой деятельности. Высказывание, произнесенное с определенным намерением и коммуникативной целью обладает особой коммуникативной силой.

Речевой акт состоит из трёхмерных фаз, актов и уровней – локуции (произнесение или говорение), иллокуции (иллокутивная функция и пропозиция) и перлокутивного эффекта (произведенный эффект речи, успешность/неуспешность, результат). Коммуникативный акт включает в себя субъекта речевого акта – говорящего, адресанта речи – слушающего и объект речи.

Помимо этого, учитывается контекст, в который помещен данный речевой акт, а также психоэмоциональное состояние участников взаимодействия. Речевые акты изучаются в теории речевых актов и являются ключевой составляющей лингвистической прагматики.

При анализе речевого акта ключевым является цель или намерение говорящего. От иллокутивной силы, которую несет в себе высказывание зависит его классификация. Интенция высказывания может быть выражена эксплицитно (прямо, открыто и понятно) и имплицитной (скрыто, для точного понимания потребуются привлечение смыслового контекста).

Все эти особенности речевого акта помогают анализировать любой дискурс (в том числе и художественный) с коммуникативной точки зрения.

В работе были подробно рассмотрены речевые акты предостережения и угрозы на материале произведений М.Ю. Лермонтова в прагмалингвистическом и методическом аспектах с целью выявить и проследить особенности функционирования выбранных речевых актов.

Художественное пространство как отражение реальной действительности, помогает исследователям подробно и детально изучить

функционирование речевых актов, поскольку в таких текстах представлены типичные речевые ситуации, дано художественное обобщение предмета.

Чтобы различать речевые акты разной интернациональной направленности, надо представлять структуру конкретного речевого действия. Речевому акту предостережения свойственен определенный набор характеристик:

- положение дел, которое невыгодно для адресата с точки зрения адресанта речи;
- адресант намеревается оказать воздействие на волю и поступки адресата;
- адресант предписывает совершение или несовершение некоего действия в интересах адресата;
- адресант пользуется тактикой «запугивания» путем сообщения о грозящей опасности адресату.

В случае речевого акта предостережения зло или потенциальный вред исходит от третьего лица, посторонней силы. В речевом акте угрозы опасность и намерение причинить зло будет исходить от адресанта.

Единой конкретной общепринятой методики разграничения речевого акта предостережения и угрозы нет. Ученые, сталкиваются с проблемой: языковое оформление речевого акта и свойственные ему компоненты могут быть задействованы в другом речевом акте. Однако нами выявлены те методики, которые могут помочь учащимся при анализе речевого материала из художественных текстов.

Есть особый класс – перформативы (от англ. *perform* – выполнять). Такие высказывания сами по себе уже являются действием. Данные высказывания характерны не только для эпических, драматических, но и лирических произведений М.Ю. Лермонтова. В романе «Герой нашего времени» преобладают косвенные речевые акты.

В работе предложены методики распознавания речевых актов предостережения и угрозы на примере произведений М.Ю. Лермонтова на занятых в школе и в вузе.

Так нами было выявлено на материале лирики М.Ю. Лермонтова, что речевой акт предостережения может содержать компоненты угрозы. Это было продемонстрировано на примере стихотворения «К N. N». Именно для лирики М.Ю. Лермонтова характерен речевой акт предостережения.

Так, в «Предсказании» М.Ю. Лермонтов предрекает страшное будущее, которого невозможно избежать, детально описывая ужас и страх: «Настанет год, России черный год» [45, с. 109]. Автор показывает, что насилие порождает большее насилие: «Когда детей, когда невинных жен / Низвергнутый не защитит закон» [45, с. 109].

Одним из способов выражения эксплицированного предостережения являются слова, содержащие в самой лексеме глагола значение боязни и опасения: «не защитит». Помимо этого, в строке мы видим типичную схему предостережения; она выглядит следующим образом: «не + V» [41, с. 4]. Данная схема отражает запрет на совершение определенного действия: цель адресанта – обрисовать негативные последствия, заранее предупредив адресата.

В романе М.Ю. Лермонова «Герой нашего времени» мы проследили, как персонажная система и событийная составляющая организованы писателем: перед читателями возникают герои-антиподы, которые через конфликт, реализуют авторское намерение продемонстрировать отрицательные качества человеческого характера. Печорин предупреждает о потенциальной возмездии за необдуманные идеи Грушницкого. Ряд речевых актов предупреждения в данном произведении были употреблены автором с целью наглядно показать, к чему может привести вражда и неумение прийти к компромиссу.

Выявлено, что первоначальное предостережение главного героя драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» в опасности утаивания правды (героиня не

восприняла серьезно опасения мужа, тем самым поселив в нем сомнения: «А думаешь... глупец?. [44, с. 341]) не достигло перлокутивного эффекта. Мы наблюдаем на материале пьесы перерастание речевого акта угрозы в настоящее убийство.

Одной из целей данного исследования было показать, что предпосылками этого явления становятся два других смежных речевых акта: предостережение, носящее рекомендательный характер и предупреждение – более строгая мера – близкий к угрозе речевой акт.

Выявлен дидактический потенциал произведений М.Ю. Лермонтова: некоторые его лирические тексты, роман «Герой нашего времени», драма «Маскарад» демонстрируют типичные особенности функционирования таких речевых актов, как предостережение, предупреждение и угроза. Изучение данных речевых актов на примере произведений М.Ю. Лермонтова могут помочь школьникам и студентам распознавать деструктивные речевые намерения говорящего, быть готовыми к различным вариантам развития событий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова О.В. Единство прагматики и лингвопоэтики в изучении текста художественной литературы // Проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. / Калинин. Ун-т. Калининград, 1996. С. 3-7.
2. Анохина В. С Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Наука. Инновации. Технологии. 2008. №3. 8 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-kommunikativnogo-povedeniya-v-maloy-sotsialnoy-gruppe-semie> (дата обращения: 4.01.2023).
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 591 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М.: АН СССР. Институт языкознания, 1971. 19 с.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
7. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог-2013» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf>.
8. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1992 а. № 2. С. 84–99.
9. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002. С. 752 с.

10. Белинский В. Г. «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова. СПб: Лань, 2013. 6 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/7928> (дата обращения: 07.04.2023).
11. Богданов В.В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты: Учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.
12. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения / Отв. ред. И.П. Сусов. Калинин: Изд-во Калинин, гос. ун-та, 1989. С. 25–37.
13. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва: Флинта, 2016. 520 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/85858> (дата обращения: 03.06.2022).
14. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
15. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.
16. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251–275.
17. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: «Высшая школа», 1971. 239 с.
18. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 11–23.
19. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
20. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРРС, 2002. 280 с.
21. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и ... «язык речи»? // Жанры речи: сборник науч. статей. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 5–22.

22. Гапеева Е. Л. Лексическая структура текстовых фрагментов с монологической речью: (на материале романа И. А. Гончарова «Обрыв»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 22 с.

23. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1992. С. 123–130.

24. Голев Н. Д, Лебедева Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина) // Юрислингвистика. 2000. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-ssory-i-konfliktnye-stsenarii-na-materiale-rasskazov-v-m-shukshina-1> (дата обращения: 04.01.2023).

25. Гомлешко Б. А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-funktsii-ironii-v-tekste> (дата обращения: 04.01.2022).

26. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психоллингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.

27. Грайс Г.П. Логика и речевой общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237

28. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.

29. Ермакова О.М. Условия реализации речевого акта угрозы и средства его оформления // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2010. №3 (28). С. 94–98.

30. Ерофеева Е.В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе / Е.В. Ерофеева // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Вып. 4 (50). С. 240–247.

31. Ерофеева Е.В. Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке / Е.В. Ерофеева. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. 286 с.
32. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 1998. 248 с.
33. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь, 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/124969/%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 17.02.2021).
34. Жучков Д.О. К вопросу об определении классификационной принадлежности речевого акта угрозы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. №2. С. 69–71.
35. Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка): автореферат, канд. филол. наук. Воронеж, 2010 [Электронный ресурс]. URL:<http://cheloveknauka.com/rechevoy-akt-ugrozy-kak-obekt-pragmalingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 13.02.2023).
36. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
37. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции к декодированию. Москва: Флинта, 2017. 207 с.
38. Каразия Н. А. Методика прагмалингвистического исследования: основные подходы и категории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-pragmalingvisticheskogo-issledovaniya-osnovnye-podhody-i-kategorii> (дата обращения: 10.03.2022).
39. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
40. Кленина Ю. С. Превентив: семантика и способы выражения: дисс. ... к. филол. н. Рязань, 2003. 210 с.

41. Кулькова М.А. Речевые акты предостережения в русских и немецких поговорках // Известия ВГПУ. 2010. №2.

42. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

43. Лепяхин В.В. Пушкин о царях и царе // Ученые записки НовГУ, 2019. №2.

44. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 5 / Художник С.В. Богачев. М.: «Воскресенье», 2000. 728 с.

45. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Терра, 2002. Т. 1. С. 96.

46. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени/ М.Ю. Лермонтов. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 192 с.

47. Лермонтов М.Ю. Белеет парус одинокой: стихотворения/Михаил Лермонтов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с.

48. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения / Отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 776 с.

49. Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Рос. Гос. ун-т, 1984.

50. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра // Collegium, №1–2. Киев, 1995. С. 65–71.

51. Новоселова О. В. Коммуникативное пространство композитных перформативных высказываний со значением угрозы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-kompozitnyh-performativnyh-vyskazyvaniy-so-znacheniem-ugrozy> (дата обращения: 13.02.2023).

52. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
53. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие / Б.Ю. Норман М.: Флинта: Наука, 2003. 296 с.
54. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1985. 271 с.
55. Перевышко А.И. Коммуникативная лингвистика как раздел современного языкознания // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания [Электронный ресурс]: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Белорусского государственного университета Республики Беларусь, 26-27 марта 2021 г. Минск, С. 97-100
56. Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта «угроза» / Плотникова А.М. // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2017.V., 1. 2. Р. 81-88.
57. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Т. 2. Стихотворения. 1820-1826 / текст проверен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским. Л.: «Наука», 1977. 401 с.
58. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 2. Стихотворения 1823–1836. 799 с.
59. Радбиль Т.Б. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Вятского государственного университета. 2015. №9. С. 108–110.
60. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.
61. Сегеда А.С. Эффективность дискуссионной речи в межличностной коммуникации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.19 Теория языка.

Мытищи; ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, 2019. 26 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/jeffektivnost-diskussionnoj-rechi-v-mezhlichnostnoj-kommunikacii.html> (дата обращения: 4.01.2023).

62. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 188–194.

63. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.

64. Слепушкина Е.В. Фразеология русского и английского языков в зеркале национального менталитета (на материале концептов «предупреждение» и «угроза»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 22 с.

65. Сомова Л.А. Структура коммуникации на учебных занятиях по литературе: монография. Тольятти: ТГУ, 2009. 144 с.

66. Сомова Л.А. Развитие дискурсивного мышления учащихся при изучении филологических дисциплин / XXXIV Зональная конференция литературоведов Поволжья: материалы конференции (3-4 октября 2014 года), гл. редактор О.М. Буранок. Казань: Изд-во КФУ, 2014. С. 278–283.

67. Сомова Л. А. Трансформации речевого акта оскорбления в рэп-батлах // Русская речь. 2020. № 4. С. 28-41.

68. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

69. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: «Гарант», 2000. 52 с.

70. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 2003. 36 с.

71. Урумашвили Евгения Валерьевна Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия ВГПУ. 2010. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticcheskie-aspekty-analiza-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 13.04.2023).

72. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 66–87.

73. Филиппова Ю. В. Функционально-семантическая транспозиция интеррогативных реплик в динамической модели диалога. ав-тореф. дис. ... канд. филол. наук: Ульяновск, 2007. 170 с.

74. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М: Рус. Яз., 2002. 216 с.

75. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

76. Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебно-лингвистической экспертизы // Учебные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №5, том 157. С. 286–294.

77. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

78. Шеловских Т. И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): автореферат диссертации на сосикание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19; Воронеж: Воронежский государственный университет, 1995. 16 с.

79. Шугаева Е. А. Особенности интерпретации речевых актов предостережения (на материале французского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5 (86).

80. Эпштейн О. В. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 216–220.

81. Юхнова И.С. Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 219 с.
82. Яковлева М. А. К вопросу о речевом акте «Угрозы» // МНИЖ. 2014. №8-1 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rechevom-akte-ugrozy> (дата обращения: 09.01.2023).
83. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.
84. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Berlin: Akademie Verlag, 1988. S.118–126
85. Grice H.P. Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics. New York etc.: Academic Press, vol.3. Speech Acts, 1975
86. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction [Text] / A. Wierzbicka. 2nd ed. Berlin: Walter de Gruyter, 2003. 502 p.
87. Wierzbicka A. Lingua Mentalis (The semantic of natural language). Sydney, 1980.
88. Morgan Y. Two Types of Conversation in Indirect Speech Acts // Syntax and Semantik, vol.9, 1978.
89. Starowa Ż., Masalska, N. Semantyczne kategorie groźby i ostrzeżenia oraz ich podstawowe cechy kategoriałne, Białostockie Archiwum Językowe, 2008. S.143–159. doi: 10.15290/baj.2008.08.11.

Приложение А

Проект рабочей программы элективного курса «Диалог с М.Ю. Лермонтовым: читаем, слушаем, интерпретируем»

1. Пояснительная записка: В настоящее время учителя сталкиваются с проблемой низкого уровня читательской грамотности школьников. Ученики не умеют читать и интерпретировать художественную литературу. Совершенствование навыка чтения важно как для развития личности в целом, так и для сдачи ОГЭ. Элективный курс призван помочь в подготовке к экзамену по литературе. Направлен на обучение анализу художественного текста. На примере произведений М.Ю. Лермонтова школьники развивают умение постигать содержание художественного произведения на различных уровнях: через композиционное строение произведения, диалоги персонажей, языковые средства создания литературных образов, впечатлений, ассоциаций.

2. Цели курса: научиться идентифицировать речевые намерения персонажей в художественном произведении. Раскрыть психологические основы читательской деятельности и научить выбирать в зависимости от специфики художественного произведения методы и приемы его освоения; научиться выявлять особенности героев с точки зрения лингвопрагматического аспекта.

3. Задачи курса: повторить основные теоретико-литературные понятия и методы анализа лирического и эпического произведений; вспомнить и обобщить характерные черты творчества М.Ю. Лермонтова; проанализировать работы, посвященные изучению речевого конфликта в аспекте лингвопрагматики; охарактеризовать коммуникативные акты по типу диалогического взаимодействия; выявить стратегии и тактики персонажей произведений М.Ю. Лермонтова, демонстрирующих конфликтное речевое поведение; описать лингвистические приемы, отражающие особенности жанра предупреждения и угрозы.

Продолжение Приложения А

4. Планируемые результаты освоения элективного курса:

Предметные: производить анализ художественного текста. Идентифицировать коммуникативные намерения персонажей в диалогическом взаимодействии и лирических посланиях. Адекватное понимание информации письменного сообщения (цели, темы текста, основной и дополнительной информации).

Личностные: совершенствование коммуникативной и языковой компетенции. Способность к самооценке на основе наблюдения за собственной речью. Навык подбора уместных, согласно коммуникативной ситуации, речевых актов.

Метапредметные: видеть речевые акты предупреждения и угрозы в тексте. Определять функционирование языковой единицы (слова) коммуникативной ситуации и речевым контекстом, выявлять намерение говорящего.

5. Содержание программы элективного курса: 32 часа

6. Тематическое планирование элективного курса: включает 10 тем

7. Методические рекомендации: задания, упражнения, тексты, материалы для контроля знаний обучаемых.

Введение

Выбранная тема элективного курса: «Какие предупреждения (виды предупреждения или угрозы) слышим в произведениях М.Ю. Лермонтова?» не случайна. Умение опознавать и различать речевой акт предупреждения, предостережения и угрозы представляются важным для социального взаимодействия. Особенно важно владеть данными инструментами речи молодому поколению. Навыки осознанной коммуникации, умение владеть словом и разрешать конфликтные ситуации мирным путем, без использования конфронтационных стратегий и тактик (что часто встречается среди подрастающего поколения).

Продолжение Приложения А

Молодым людям важно различать коммуникативный акт предостережения, к примеру, чтобы отстоять свои личностные границы в споре, от угрозы, обещания нанести реальный вред человеку и понести ответственность за сказанное сгоряча. Часто, подобные речевые примеры, ученые показывают на примере структуры художественных произведений. Также, немаловажным фактором является близость мышления персонажей М.Ю. Лермонтова мышлению девятиклассников. Мы находим схожие черты характеров: импульсивность, максимализм и поиск смысла в жизни. Поэтому выбранная тема будет актуальна для данного возраста.

Таблица А.1 – Учебно-тематический план

№ п/п	Наименование темы, раздела	Кол-во часов	Форма занятия	Виды деятельности учащихся
1	Основные теоретико-литературные понятия. Тропы и фигуры.	2	Лекция с элементами беседы	Учащиеся вспоминают теоретико-литературные понятия. Тропы и фигуры.
2	Модели анализа лирического и эпического текста	2	Урок-лекция	Работа с учебным пособием
3	Литературоведческие основы изучения творчества М.Ю. Лермонтова: содержательные, стилистические и психологические доминанты его творчества	4	Лекция с элементами беседы	Обобщают содержательные, стилистические и психологические доминанты творчества М.Ю. Лермонтова
4	Обсуждение литературоведческой статьи З.С. Смелковой из книги «Литература как вид искусства» посвященной поэтике стихотворения М.Ю. Лермонтова «Утес». Выявление специфики структуры анализа лирического текста.	4	Урок-беседа	Беседа. Обсуждение статьи. Работа с текстом.
5	Анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Изложение-анализ с творческим заданием.	4	Урок-практикум	Выполняют изложение-анализ с творческим заданием.
6	Анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание»	3	Урок-практикум	Беседа. Работа с текстом.

Продолжение Приложения А

Продолжение Таблицы А.1

№ п/п	Наименование темы, раздела	Кол-во часов	Форма занятия	Виды деятельности учащихся
7	Анализ фрагмента эпического текста «Зачем я жил, для какой цели родился...» из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».	4	Урок-практикум	Беседа. Работа с текстом.
8	Особенности анализа драмы: анализируем произведение М.Ю. Лермонтова «Маскарад».	4	Урок-практикум	Беседа. Работа с текстом.
9	Сравнительный анализ произведений М.Ю. Лермонтова «Предсказание» и оды А.С. Пушкина «Вольность».	4	Урок-практикум	Беседа. Работа с текстом. Выполнение сравнительного анализа произведений.
10	Требование к анализу олимпиадных текстов по литературе	1	Урок-лекция	Работа с учебным пособием

Приложение В

Пример конспекта урока в 9 классе

по теме: «Предсказание» М.Ю. Лермонтова: о чем предупреждает поэт?»

Тип урока: Изучение нового материала

Цели:

Познавательные: совершенствование коммуникативной и языковой компетенции.

Практические: развить умение опознавать речевой акт предостережения на материале лирического текста, расширить знания учащихся, связанные с речевыми актами.

Личностные: Самоанализ и самоконтроль результата.

Средства обучения: Учебник для 9 класса, словарь

Литература: Литература 9 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2ч. Ч. 1 / [В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И.С. Збарский] под ред. В.Я. Коровиной. 20-е изд. М.: Просвещение, 2013. 399 с.

План урока:

1. Оргмомент
2. Систематизация знаний
3. Изучение нового материала
4. Закрепление изученного материала
5. Итоги урока
6. Домашнее задание

Ход урока:

1. Организационный момент

Добрый день. Сегодня на уроке мы познакомимся с еще одним речевым актом. Перед вами стихотворение М.Ю. Лермонтова «Предсказание» на странице 285. Прочтите его выразительно.

Продолжение Приложения В

(читают стихотворение)

2. Систематизация знаний

Какое впечатление у вас сложилось? О чем стих?

- *Мрачное настроение. Грядут перемены. Поэт предсказывает падение монархического режима и приход к власти нового вождя.*

- *Тревожное. Россию ожидают перемены через смерть большого количества людей.*

- *У власти появится жестокий, холодный и твердый человек.*

Определите тему стихотворения. Какие художественные средства выразительности передают настроение?

- *страшные события будущего*

- *гибель самодержавие и появление человека, по вине которого произойдут изменения.*

- *Метафоры: «черный год»,*

- *Эпитеты: «черный год», «печальных слез», «смертных тел».*

- *Олицетворение: «чума начнет бродить», «станет глад сей бедный край терзать»*

Все верно. А как вы думаете, с какой целью оно написано?

- *М.Ю. Лермонтов видит ужас грядущего и предсказывает потери, которые ждут простой народ.*

- *Предупредить о трудных временах.*

Совершенно точно. Получается, какой речевой акт мог лечь в основу стихотворения, если автор предупреждает нас? Он предостерегает страну от грядущего.

- *Предостережение*

У вас хорошо получается! А теперь давайте подумаем. Как нас предостерегают родные или друзья? Постараемся выявить типичные схемы.

- *не делай..., не ходи...*

Продолжение Приложения В

- если что-то сделаешь, то будет...

- потом будет болеть живот

3. Изучение нового материала

Как правило, речевой акт предостережения основывается на:

1. Схема «не + V», где «не» - отрицательная частица, а «V» - глагол.
2. Глаголы будущего времени в паре со словами, имеющими негативный оттенок.
3. Общее настроение стихотворения.

Также, польский лингвист А.А. Вежбицкая вывела формулу предостережения. Она рассматривает структуру угрозы как связь следующих позиций: а) говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое; б) думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал; в) говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X.

Теперь, давайте попробуем подобрать подходящие примеры из стихотворения.

1. Схема «не + V», где «не» - отрицательная частица, а «V» - глагол:

«Когда детей, когда невинных жен / Низвергнутый не защитит закон»

-Хорошо. Какие еще черты предостережения мы видим в лирическом тексте?

2. Глаголы будущего времени в паре со словами, имеющими негативный оттенок: *«будет смерть и кровь»*, *«чума от смрадных, мертвых тел / Начнет бродить»*, *«зареве окрасит волны рек»*, *«будет все ужасно, мрачно»* [4].

3. Общее настроение стихотворения: эпитеты: «черный», «ужасно», «мрачно»

- Все верно. Также, обратите внимание, предостережение заложено в самой структуре стихотворения. Мы видим предложение, осложнённое

множеством придаточных конструкций. Для автора важно передать мысль в её целостности, неразрывности. Так он подчёркивает тесную связь действий с их следствием.

В первой части автор в деталях описывает все ужасы грядущих перемен: *«Настанет год..., Когда царей..., Когда детей..., Когда чума..., И станет глад сей бедный край терзать..., И зарево окрасит волны рек»* [4].

Во второй части (от слов «В тот день...») мы видим появление *«мощного человека»*, с которым придут перемены: *«и будет все ужасно, мрачно в нем»* [4].

4. Закрепление изученного материала

Все верно. Перед вами известные всем пословицы. Попробуйте их перефразировать и составить самостоятельно по два предложения, в основе которого лежит речевой акт предостережения:

А) Схема «не + V», где «не» - отрицательная частица, а «V» - глагол.

Б) Глаголы будущего времени в паре со словами, имеющими негативный оттенок.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

не ленись (а), иначе останешься голодным (б)

не ленись(а) на уроке, иначе на контрольной работе получишь плохую оценку (б)

Поспешишь – людей насмешишь

- не торопись(а) во время еды, подавишься (б)

- не торопись (а), выполняя домашнее упражнение, наделаешь ошибок (б)

5. Итоги урока

Хорошо, а теперь, давайте подведем итоги. Правы ли мы были в наших предположениях?

Продолжение Приложения В

- Да. На материале стихотворения М.Ю. Лермонтова «Предсказание» нами были определены типичные признаки коммуникативного акта предостережения и их функционирование в конкретной ситуации поэтической речи.

- Какие?

- Для реализации предупреждения используется схема «не + V»;

Глаголы будущего времени в сочетании со словами, имеющими негативную коннотацию и соответствующее контекстуальное окружение. Структура стихотворения также передает задумку автора.

- Молодцы.

Список используемой литературы

1. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99-111.
2. Кленина Ю.С. Превентив: семантика и способы выражения: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2003. 210 с.
3. Кулькова М. А. Речевые акты предостережения в русских и немецких паремиях // Известия ВГПУ, 2010. №2.
4. Литература 9 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил. на электрон. носителе. В 2ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2013. 399 с.